ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 271

М.Н. ГУБОГЛО,
Р.А. СТАРЧЕНКО

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Москва
2019

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И
НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ
№ 271

М.Н. Губогло, Р.А. Старченко

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Работа выполнена в соответствии с проектом по теме «Стратегия доверия и солидарности в системе межэтнических отношений», издается при поддержке РФФИ, грант № 19-09-00482 «Культурный, нравственный и интеграционный потенциал русского языка на постсоветском пространстве».

Москва
ИЭА РАН
2019

УДК 39+930.85
ББК 63.5:85.1

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
д.и.н. М.Ю. Мартынова (отв. ред.),
академик РАН В.А. Тишков,
к.и.н. Н.А. Лопуленко.
.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Г- 93 Губогло М.Н., Р.А. Старченко
Нравственные основы человечности в социальном самочувствии постсоветских граждан // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2019. – Вып. 271. – 48 с.

Социальное самочувствие определяется историческим опытом, культурной средой, обществом, процессами взаимодействия народов, а также интеллектуальным потенциалом личности и его мировоззрением. Приобщение постсоветских граждан к материальным и духовным благам и ценностям рассматривается на статистических данных о динамике численности театральных зрителей, числа посещений музеев и потребительских расходов на продовольственные и непродовольственные товары, в том числе на культуру и культурную деятельность. Анализ, проведённый на уровне федеральных округов, субъектов Российской Федерации и на личностном уровне опрошенных граждан в Республике Башкортостан (2017 г.) и Гагаузии (2018 г.) позволил контурно выявить социодинамику и тренды складывания региональных сходств и различий в интегративных и дезинтегративных процессах после развала Советского Союза.

ISBN 978-5-4211-0242-7

© ИЭА РАН – 2019 г.
© М.Н. Губогло – 2019 г.
© Р.А. Старченко – 2019 г.

М.Н. Губогло, Р.А. Старченко

Нравственные основы человечности в социальном самочувствии постсоветских граждан

Resume

THE MORAL FOUNDATIONS OF HUMANITY IN THE SOCIAL WELL-BEING OF POST-SOVIET CITIZENS

Social well-being is determined by historical experience, cultural environment, society, processes of interaction between peoples, as well as the intellectual potential of the individual and his worldview. The introduction of post-Soviet citizens to material and spiritual goods and values is considered on the statistical data on the dynamics of the number of theater audiences, the number of museum visits and consumer spending on food and non-food items, including culture and cultural activities. The analysis carried out at the level of federal districts, subjects of the Russian Federation and at the personal level of respondents in the Republic of Bashkortostan (2017) and Gagauzia (2018) allowed to contour to reveal the dynamics and trends of regional similarities and differences in integrative and disintegrative processes after collapse of the Soviet Union.

СОДЕРЖАНИЕ

Алгебра человечности
4
Духовность и социальное самочувствие
8
Траектории духовности
11
Социодинамика посещаемости театров
13
«Любовь к родному пепелищу, …»: социодинамика посещаемости музеев
19
Культура и культурные мероприятия в системе потребительских расходов
27
Если бы появились лишние деньги…
33
Примечания
45
Литература
47

Алгебра человечности

О реальном состоянии общества можно судить по фактическому состоянию социального самочувствия граждан. Оно основано на историческом и личностном опыте, на изменениях, связанных с расширением сферы взаимодействия народов и культур, а также с изменением самого человека, в т.ч. его интеллектуального потенциала, мировоззренческого кругозора и духовных потребностей. Противоречивость жизнедеятельности современного человека складывается, с одной стороны, расширением и укреплением связей и взаимодействий людей разных стран, народов, культур как объективных основ и условий общего развития, с другой– активизируется потребность сохранения, поддержки и продвижения каждым народом, культурно-историческим регионом базовых традиций собственной культуры как условия и способа сохранения своей особой культурно-исторической определённости и самобытности и национального достоинства [*Бондырева, 2018, 344*].

В данной работе исследуются тренды социального самочувствия, некоторые фрагменты морали и нравственности, характерные для межнациональных отношений на примере некоторых регионов Российской Федерации и в отдельных странах ближнего зарубежья.

Изменение приверженности людей различной национальности культурным ценностям, предлагаемым театрами, музеями, культурными учреждениями и культурными мероприятиями, представлено в нашей работе по данным официальной статистики и итогам специально проведённых социологических исследований. Информационная база сформирована по сведениям , извлечённым из систематически издаваемых статистических сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели, 2018 г.» и двух специализированных, сходных по тематике проектов: «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально экономическая адаптация и социальное самочувствие» (авт. проекта Ф.Г. Сафин, А.И. Халиулина, 2017, число опрошенных – 573); «Адамлык: нравственные основы человечности», 2018, число опрошенных – 818, авт. М.Н. Губогло)[*].

Успешность обоснования и научного применения идеи о нравственных основах, об историчности и социологичности феномена человечности существенным образом зависит от того, как понимается природа человечности и что именно в ней люди считают социально обусловленным и индивидуально выраженным.

[*] Данные указанных проектов уже частично нашли отражение в публикациях Сафина Ф.Г., Алексеенко С.С. и Губогло М.Н. [*Сафин, Алексеенко, 2018:323–338*; *Губогло, 2018б, № 6:31–44*].

Пользуясь случаем выражаем глубокую признательность профессору Ф.Г.Сафину и его известной ученице А.И. Халиулиной – авторам и руководителям вышеназванного проекта за предоставленную базу данных, Е.М. Губогло за обработку этого материала в среде SPSS, а М. Донежуку за пунктуальную статистическую обработку данных о численности посетителей театров и о числе посещений музеев и других культурных мероприятий.

В круге чувств и эмоций, принципов и норм человечности, слёзы и стыд появились одновременно с происхождением человеческого стыда [*Малькова, 2018:298–322*]. Суть исторического развития человечности, как и этничности, заключается не только в приобщении индивида к культурному наследию прошлого, но и в творчестве, т.е. в конструировании, выражаясь языком модернизма, в создании того, чего ещё никогда не было. Рефлексии по поводу освоения культурного наследия прошлого, если понимать под культурой **накопленный опыт** (Ю.И. Семенов), происходит не только подобно руке ребёнка, повторяющего прадедовские жесты (Шарль Блондель), но и путём повторения «прадедовских жестов» в обычаях и ритуалах, во многих компонентах соционормативной культуры. При этом с течением времени «прадедовские жесты» повторяются, адаптируются к новым объектам и регулируются стихийно развивающейся этической системой, а также в отдельных случаях государственной национальной политикой.

Объектом исследования в данной работе стали процессы культурного взаимодействия, обусловленные всем ходом развития общественного производства, меняющимися духовными и материальными потребностями общества, вызовами трансформационных изменений.

Центральный нерв каждой из акций, утверждающих человечность в человеке, состоит в сотрудничестве, при котором один индивид, делает первую часть действия, другой – вторую его часть, а общественное мнение, «чтобы люди не осудили» (инсан маана булмасын), следит при этом за каноническим исполнением ритуала.

По мере развития этносоциологических, этнопсихологических и этнополитических исследований как новых междисциплинарных направлений в рамках отечественной этнологии (этнографии) нарастает потребность проникнуть в духовный мир людей прошедших времён и в раскрытии. сущности социального самочувствия наших современников. В обществе востребовано постижение их субъективных мотивов, круга чувств и переживаний, настроений и устремлений. Этносоциологи и этнополитологи хорошо осознали важность проникновения в психологические, этноязыковые и коммуникативные механизмы этнонациональных движений, в мотивацию деятельности людей в системе этногосударственных и межэтнических отношений.

Данная попытка – первый опыт перекинуть мост от критериев, определяющих суть и природу человечности, ценности и антиценности в современных (постсоветских) условиях к характеристикам простых людей, реализующих свои культурные запросы и духовные ценности в условиях меняющегося общества.

В одном случае этнокультурные параллели основаны на данных, извлекаемых из общероссийской и региональной статистики, характеризующей отдельные грани культурной деятельности населения, такие, например, как посещение теат-

ров и музеев, затраты на неё в общей системе фиксируемых статистикой потребительских расходов.

В другом случае для получения информации о проявлении человечности, в ходе культурной деятельности и межэтнических взаимодействиях, организованы специальные этносоциологические исследования. В нашем случае речь идёт о крупномасштабных этносоциологических исследованиях, проведённых по сопоставимой программе среди населения Гагаузии в Республике Молдова и среди представителей башкирской, русской и татарской национальности в Башкортостане.

В одном из номеров «Независимой газеты»* как залп из многих орудий, как крик души, со стороны социологической элиты страны прозвучала озабоченность состоянием исследований о тревожно низком нравственном уровне постсоветского общества, о ненадёжности критерия измерения социального самочувствия и духовного мира граждан и о недостатках морального измерения политических и социально-этических коммуникаций.

Думается, что далеко неслучайно центральное место у авторов, озабоченных судьбой России, заняли размышления главного социолога страны, директора Левада-Центра, доктора философских наук Льва Гудкова. При этом особую ценность представляет запевный мотив, удививший его самого, – признание в том, что «этика – одна из центральных тем социологии». Более того, дорогого стоит ещё одно признание именитого автора в том, что мораль не просто представление, но и императивы поведения людей, связанных с образом или идеей общего блага. Каждому отдельному человеку, плохо ему или хорошо, необходимо как личности соотносить свои жизненные установки с интересами и представлениями других людей.

Востребованность этики и особенно этических и социологических исследований нравственности и мораликак основы человечности состоит в том, снова сошлюсь на авторитетное мнение Л. Гудкова, что «в социологии этика – это центральная проблема солидарности, доверия, понимания ценности социального капитала, человеческих связей, коллективных представлений в чём-то важном для многих. По сути, это как раз всё то, что и выстраивает и создаёт общество, то есть многообразные связи людей, основанные на взаимных интересах и чувствах солидарности, без отношений принуждения и господства» [*НГ, 2019:12*].

* *Гудков Л*. Есть ли у великих держав чувство стыда; *Александров Л*. Дипломатия совести. Глобализация, конечно, хороша, но куда при ней вдруг исчезают некоторые ценности?; *Гринберг Р*. Без Запада Востока не бывает. Исторический пример того, как можно скорбеть о судьбе России, не оскорбляя друг друга; *Зубов А*. Вечное мерцание неистощимого ницшеанства. Человечность определяется отношением личности к абсолютным ценностям; *Почензов* Г. Политика сыграла в «ящик». Трансформация роли телевидения в эпоху интернета [*НГ, 2019*].

Распад Советского Союза, случившийся в многоэтничном и полирелигиозном российском обществе, актуализировал потребность постижения этнического аспекта этнических исследований, в т.ч. значимость и весомость постижения взаимосвязи этничности и доверия, повседневной жизни и представлений людей различных национальностей о самих себе, о своих ценностях и о своём месте в мире.

Ключи к пониманию роли этического фактора как социального феномена, были предложены и задействованы в ряде широкомасштабных этносоциологических исследований, инициированных основоположником советской и российской этносоциологии членом-корреспондентом РАН Юрием Вартановичем Арутюняном в конце 1960-х гг. и продолженных его единомышленниками и учениками во многих университетских и академических центрах России и стран ближнего зарубежья.

В недрах нового научного направления – этносоциологии и параллельно с ним, расцветали этнодемографическое, этноязыковое, этнокультурное и этнопсихологическое и др. направления. По сути они проложили дорожную карту к всестороннему постижению идентичности человека [см.: *Губогло, 2003; Идентичность, 2017* и др.].

Социодинамика человечности как «антропологическая доктрина» не нашла ещё своего широкого применения в современном гуманитарном знании главным образом из-за недостатка энтузиастов, которые могли бы соответствующим образом мобилизовать долговременный интерес к идеям нравственности и морали с учётом этничности. Однако недостаток в кадрах такого рода исследователей уже явственно ощущается, т.к. потенциальная общественная востребованность уже налицо. Антропологическая доктрина человечности дополняет идею об отражении культуры общества в культуре индивида и выражает степень его адекватности своему внешнему окружению. В свою очередь, адекватность определяет вектор направленности отношения человека к развитию культуры и нравственности общества – их ускорения или замедления.

Сравнивая этногенетические и этнокультурные параллели между современными и прошлыми социофактами и доктринальными идеями, лежащими в основе нравственности традиционной культуры, можно обнаружить типологически сходные линии ментального развития.

В период глубоких трансформаций, наступивших после развала Советского Союза, серьёзной проверке на прочность подверглись наряду с «кариатидами» и «атлантами» духовности многие жизненные ценности, человеческие качества, нормы поведения: одни из них усилились, другие остались на прежнем уровне, третьи ослабли. Регистрация социальной «биографии» каждой такой ценности за последние несколько лет сопровождалась уточняющими вопросами, во-первых, о причинах снижения морали и нравственности, а, во-вторых, о факторах, способствующих ослаблению нравственности.

Разработанная номенклатура (шкала) качеств человека, включая факторы, определяющие его социальное самочувствие, была экстраполирована на духовную культуру народа в целом. Одна из программных задач, в частности, состояла в выявлении тех человеческих качеств, которые в наибольшей степени, по мнению опрашиваемых, служат сохранению самобытности своего народа.

Духовность и социальное самочувствие

Духовность и социальное самочувствие народов России призвано привносить существенный вклад в дело сохранения, поддержки и продвижения российского нациестроительства. Духовные потребности населения представляют собой такое востребованное нацией социально-психологическое состояние людей, которое инициирует создание и освоение новых духовных ценностей, в совокупности определяющих человечность как «Грамматику жизни».

Систематический анализ духовной жизни современной российской нации и интегративная роль духовности российских граждан в процессах солидаризации и гармонизации социальных, в т.ч. межэтнических отношений, прежде всего предполагает уточнение исходных понятий, т.е. выбор определений, не только раскрывающих сущность изучаемых явлений и процессов, но и совокупность факторов, оказывающих влияние на переход этнополитической и этнокультурной ситуации из одного состояния в другое.

Фундаментальным понятием, характеризующим человека и человечность во всей системе материального и духовного пространства, их коммуникативные связи с природой, государством и обществом, является культура. Однако именно это понятие, породившее к началу прошлого столетия несколько сот определений, до сих пор не имеет окончательно установленной смысловой нагрузки [*Kroeber, Klackhohn, 1952*].

Трудности антропологического анализа культуры, в т.ч. её интегративных функций, вытекают из многоплановости, которая складывается в процессе активной креативной деятельности людей, ориентированных на освоение, постижение и преобразование мира, на достижение в результате этой деятельности опредмеченных результатов, материальных и духовных ценностей, средств обеспечения жизнедеятельности.

Коротко говоря, культуру в широком, философском смысле, можно понимать как опыт, как вторую природу (М. Горький*, Ю.И. Семёнов).

* «Всё, что именуется культурой, – по мысли М. Горького, – возникло из инстинкта самозащиты и создано трудом человека в процессе его борьбы против мачехи-природы; культура – это результат стремления человека создать силами своей воли, своего разума – «вторую природу».

Если согласиться с тем, что в создании, сохранении, поддержке и продвижении культуры немалая роль принадлежит **науке, политике, искусству**, нетрудно сделать вывод о том, что эту триаду подпитывает мораль и нравственность, которые в свою очередь вооружают человека «Грамматикой жизни», в его противостоянии лени, разврату, жестокости, зависти, всяким формам девиантного поведения, содействуют утверждению добра вместо зла, справедливости против несправедливости, активности вместо застоя, общению против замкнутости.

Неслучайно одна из фундаментальнейших идей, выношенных отечественным востоковедением на основе исследования, истории, культуры и ментальности тюркоязычных и других народов Евразийского пространства, состояла в признании полезности культурных контактов в деле прогрессивного развития народов[*].

Одним из самых очевидных сегментов русскоязычной духовности является полифункциональный русский язык и созданная на нём научная, художественная, специальная литература, в т.ч. переведённая с иностранных языков и с языков народов России.

Полифункциональность русского языка, ставшего к началу XXI в. «национальным достоянием всех народов России» [*Губогло, 2007:48*] выражается в том, что он выполняет функции закреплённого Конституцией государственного языка, родного языка русского народа, языка межнационального общения народов России, одного из официальных языков ООН, добровольно избранного языка-общения в неофициальных сферах повседневной жизни.

Подобно тому, как Крым воссоединился с Россией, став при этом неотъемлемой частью российской нации и Русского мира, понимаемого как в узком, так и в широком смысле, точно также этносоциологическое исследование нравственности и морали населения различных регионов через исповедуемые им ценности и реализуемые в повседневной жизни, дают основание для вывода о его стремлении

Первая природа – хаос неорганизованных, стихийных сил, которые награждают людей землетрясениями, наводнениями, ураганами, нестерпимым зноем и таким же холодом. <…> человеческая культура – <…> выражает, осмысливает, изощряет волю человека к жизни. <…>

Раньше говорилось: «Любовь и голод правят миром», – под любовью подразумевалось стремление к продолжению рода, под голодом – голод физиологический. Но в наши дни мы уже имеем право говорить о третьем инстинкте – инстинкте познания, об интеллектуальном голоде» [*Горький, т. 24, 1953:405-407*].

[*] «Будущность среднеазиатских турок (тюрок – *Авт*.) как всякого другого народа, писал академик В.В. Бартольд, обобщая свои исследования о межпоколенной и кросспоколенной трансмиссии произведений устного народного поэтического творчества, – в значительной степени зависит от их участия в мировом культурном общении» [*Бартольд, т.5, 1968:192*].

В настоящее время можно считать доказанным, что главный фактор прогресса и упадка отдельных народов «объясняется не столько их расовыми свойствами и религиозными верованиями, не столько даже окружающей их природой, сколько тем местом, которое они в редкие периоды своей исторической жизни занимали в культурном общении» [*Бартольд, т.6, 1966:146*].

сохранить себя в узком смысле в качестве самостоятельного субъекта истории, пребывая в составе Российской Федерации и ощущая себя в широком смысле во внутренней и внешней зоне Русского мира. В составе Российской Федерации Крым стал внутренней историей российского нациестроительства, перестав представлять внешнюю историю Русского мира.

Усложнение социально-культурных и этнополитических и этнопсихологических процессов выдвигает на повестку дня не только постановку вопроса о значении предметов и законов жизни и жизнедеятельности для человека, но и о том, как они соотносятся с его духовной жизнью, с собственными запросами, мотивами, установками, с его нравственной позицией.

В широком философском смысле цивилизационное пространство и цивилизационный дух Русского мира является ценностью высокого ранга не только собственно для Российской Федерации, но и для русскоязычного населения Гагаузии, Приднестровской Молдавской Республики, русскоязычных регионов восточной и южной Украины. С помощью этой ценности на наших глазах происходит совершенно необычное явление – конструирование в составе Молдовы гагаузов как самобытного народа, как нового субъекта истории и самоутверждение на основе гагаузско-русского двуязычия – его самобытности и правосубъектности.

За постановкой вопроса о притяжении некоей совокупности населения Гагаузии или Приднестровья, Крыма или Одесского края, Абхазии или Южной Осетии к более широкой цивилизации, в данном случае к Русскому миру и российской нации, скрываются самые различные вопросы мировидения, актуальные не только для этнологии и антропологии, но и для ряда других наук: о поисках смысла жизни, об отношении человека к природе, к своей стране и самому себе, к истории и культуре своего народа и сообщества, в котором складывается и практикуется повседневная линия жизнедеятельности.

При этом стремление и мотивы блюстителей этнокультурной самобытности порой значительно отличаются друг от друга. Часть этнических мобилизаторов исходит из побуждения сохранить всё ценное, накопленное традиционной культурой, в т.ч. нравственные принципы, утверждающие мир, добро, спокойствие и стабильность политической и повседневной жизни. Другая часть радикально настроенной элиты «борется» за чистоту своей нации из карьерных соображений, ради обретения власти и доступа к дележу национальных богатств. Третья часть граждан, даже сохраняя этническую или религиозную идентичность, проявляют относительное равнодушие и отказываются принести что-либо в жертву ради их поддержки и продвижения.

Реализация как в повседневной, так и в театральной, музыкальной и художественной жизни интегративной функции духовности, в т.ч. русского языка и литературы, в многонародной, поликультурной и полирелигиозной ситуации,

осуществляется в постсоветское время в противоречивых условиях. С одной стороны, Конституция России обеспечивает приоритет прав человека по сравнению с какими-либо этническими, социальными, региональными и другими формами группового права. С другой – национальная политика РФ в ряде случаев гарантирует сохранение культурной самобытности для некоторых малочисленных народов и национальных групп, хотя и не учитывает в должной мере потенциал этнической и мифологической истории народов в воспитании гражданской идентичности и принадлежности российской нации.

Юридически неразработанное соотношение между индивидуальными и групповыми правами создаёт коллизии альтернативности. Так, например, право на культурную свободу гарантирует гражданам право самим выбирать себе ту или иную форму социального самочувствия, которая складывается из социокультурных ценностей и нравственных принципов. При этом социодинамика духовной жизни общества допускает, что социальное самочувствие изменяется в соответствии с меняющимся временем и ценностями. На формирование культурного, ценностного и языкового репертуара сограждан оказывают определённое влияние научная, политическая, художественная элита из числа представителей данной национальности. А также часть этнических мобилизаторов, которая берёт на себя культуртрегерскую роль воспитателей своего народа.

В открытой форме социолингвистическое понимание родного языка только как разговорного, а не как этнопсихологического явления, (т.е. как части этнического самосознания), проявляется в тех случаях, когда учёные из самых благих побуждений считают, что «каждый человек вправе говорить на том языке, который считает родным» [*Шабаев, 2013:297*]. «…Если в этнических и религиозных вопросах для государства возможно и даже желательно оставаться "нейтральным", подобная позиция в отношении языка является непрактичной. Понятие гражданства требует общего языка для укрепления взаимопонимания и эффективной коммуникации. Ни одно государство не может позволить себе обеспечивать услуги и выпускать официальные документы на каждом из языков, используемых на его территории» [*Этнополитическая ситуация, 2013:298*].

Траектории духовности

Важнейшие траектории социально-этической и нравственной деинфантилизации граждан России, интеграционных или дезинтеграционных процессов, исполняются и определяются самим населением. Прежде всего каждым конкретным человеком, как субъектом культурного процесса, создателем, носителем и блюстителем тех или иных идеалов, ценностей, жизненных ориентиров. Социокуль-

турная сфера жизнедеятельности представлена культурными и нравственными ценностями, которые, в свою очередь, выступают показателями и выразителями уровня духовности, критериями человеческих стремлений и возможностей, способностей и талантов, потребностей и возможностей. Приходится считаться с тем, что «сущность человека выражается в его истинных потребностях», к числу которых, согласно классификации Эриха Фромма, относятся: во-первых, потребность в общении, т.к. изолированный, искусственно выброшенный из общества человек десоциализируется, утрачивает культурные навыки и нравственные ценности. По мнению Фромма, идеальной формой, в которой потребность в общении получает полнокровное раскрытие, является любовь. Согласно его концепции в области мышления любовь – «это специфически индивидуальное миропонимание, в области действия – творчество и самореализация, в чувственной сфере – ощущение единства с другим человеком, со всеми людьми, с природой» [*Фромм, 1990:256*].

Вторая истинно человеческая потребность, согласно Э. Фромму, это потребность в творчестве как наиболее глубокой предрасположенности (интенции) человека, которая, в отличие от пассивного приспособления, присущего животному миру, выражается в стремлении преобразовать мир. Данная потребность продиктована наличием творческих сил в каждом индивиде, среди которых особое место занимает воображение, эмоциональность и т.д.

В качестве третьей по важности и соответственно по рангу является потребность в ощущении глубоких и надёжных корней (факторов), гарантирующих безопасность бытия и стабильность повседневности.

Глубинное стремление людей обеспечить прочность и безопасность бытия (жизнедеятельности), например, в этническом, этнокультурном и этносоциальном аспектах, нашли своё выражение в процессах этнической мобилизации, в т.ч. в стремлении преодолеть манкуртизм, удревнить этническую историю своего народа, в поисках своей родословной и фрагментов этнической истории в глубине веков.

Четвёртая человеческая потребность, по классификации Э. Фромма, – это «стремление к уподоблению, поиск идентичности» [*Фромм, 1990:257*]. Отметим, что вслед за трудами З. Фрейда, Э. Фромма и ряда других европейских исследователей, тема идентичности получила основательную разработку в позднесоветской этносоциологии и постсоветской социальной антропологии [*Губогло, 2003; Идентичность, 2017*].

Пятая потребность, особенно подробно описанная Э. Фроммом, – это стремление к познанию, к постижению, освоению мира: желание распознать логику окружающего мира, удовлетворить своё стремление в понимании глубинного смысла бытия и в постижении самого себя через других. Бесценной общечеловеческой ценностью является и свобода, однако самые радикальные и смелые

мыслители испытывают робость и половинчатость в признании её абсолютной истиной.

Важным условием и вместе с тем фоном развития культурного прогресса, духовных потребностей, ценностей и возможностей человека выступает состояние культурной среды, т.е. инфраструктура, призванная обеспечивать духовные запросы населения. Духовная жизнь, как и сама сфера культуры, не могут существовать без хорошо налаженных технологий духовного производства, определяющего истинные ценности культуры, как они создаются, тиражируются, транслируются, распределяются, воспроизводятся и потребляются в данном обществе. Понятно, что все указанные траектории культуры и реализация её интегративных функций, демонстрирующие состояние и социодинамику культуры, человека в социокультурном пространстве, находятся в постоянном изменении, особенно в период неординарных трансформаций.

Определение драматургии, траектории и стратегии развития перспектив и реквизитов культуры, а также её интегративных функций требует специальных, увы… дорогостоящих исследовательских проектов, в задачу которых входит характеристика этнодемографических (состав населения) характеристик, а также состояние уровня образования населения и всей системы народного образования, системы СМИ и книгоиздательства, книжной торговли, приобщения граждан к литературе, театру и другим видам искусства, новых средств массовой коммуникации.

Обратимся к двум относительно полно статистически обеспеченным сферам – театру и музейному делу на основании данных о динамике численности зрителей театра и посетителей музеев.

Социодинамика посещаемости театров

Одной из важнейших сфер, оказывающих значительное влияние на формирование социального самочувствия граждан, в т.ч. на интегративные процессы в ходе российского нациестроительства, является театр. Посещаемость театра, когда зрители по своей доброй воле покупают иногда не очень дешёвые билеты, может служить важным показателем региональных и этнических сходств и различий в социодинамике культуры и мотивации духовной жизни населения, особенно если анализировать относительные данные о посещаемости в пересчёте на 1000 чел. населения[*].

[*] Ещё одним показателем привлекательности театра может служить доля населения, не посещавшая театры. Так, например, по сообщению директора по работе с органами государственной власти ВЦИОМ Кирилла Родина, в 2018 г. по сравнению с 2008-м доля не посещающих театры россиян снизилась с 70 до 52%. По данным ВЦИОМ, в 2018 г. в театры ходило 48% опрошенных в отличие

16 января 2019 г. вице-премьер России Ольга Голодец сообщила о том, что возросшая посещаемость театров и музеев свидетельствует о растущем интересе граждан России к искусству. По её предварительным данным, в 2018 г. 140 млн. чел. посетили музеи и различного рода выставки, а театры посетило 40 млн.

В постсоветский период вплоть до 1998 г. посещаемость театров в РФ катастрофически (почти в два раза) снизилась по сравнению с 1990-м, предпоследним годом существования СССР. Среди остальных республик лишь Мордва и Удмуртия сохранила основной зрительский состав театров, соответственно 73,9 и 68,2%[*].

В 1998 г. по сравнению с 1990-м к двум лидирующим республикам близкими были показатели посещаемости театров в Дагестане, Башкортостане и в Марий Эл, а также в Чувашии и Тыве, в которых она сократилась почти в два раза (см. табл. 1). Небывалое падение интереса к театру произошло в Кабардино-Балкарии, Республике Саха, Калмыкии, Адыгеи и особенно в Республике Алтай.

По данным официальной статистики, на закате Советского Союза в 1990 г. на каждые 1000 чел. населения приходилось 375 зрителей театров. Следовательно, если численность россиян на рубеже 1990–1991 гг. составляла 148,5 млн. чел., численность зрителей театров достигала 55 млн.

Размах вариации по численности зрителей театра составил в 1990 г. между полярными Марий Эл и Республикой Алтай (576 ед.), в 1998 г. между этими же республиками размах вариации сократился до 389 ед., а в 2001 г. между Удмуртией и Алтаем составил 225 ед.

При всей условности данного показателя, он всё же даёт некоторые основания для вывода о том, что в экстремальных условиях трансформационных процессов, в смутные 1990-е гг. различие между республиками в приобщении к культурным ценностям уменьшалось. Обнищание народа, смена оптимизма и веры в будущее приступами аллармизма, падение уровня нравственности и обеднение духовных запросов, снижали уровень и изменяли способы культурной деятельности.

На рубеже 1990-х и нулевых годов в театральной жизни наступило заметное оживление. В 2001 г. по сравнению с 1998-м только в 4-х республиках – Мор-

от 2008 г., когда их было лишь 28%. Наибольшую популярность театры имеют по итогам социологического опроса среди людей в возрасте от 35 до 59 лет [*URL 1*]

[*] Общее обнищание, борьба за выживание ударили по театральной жизни в Удмуртии меньше, чем в других республиках. Немалую роль сыграло руководство Удмуртии, приняв специальное постановление Правительства УР «О государственной поддержке театрального искусства в Удмуртской Республике». В документе были определены приоритетные направления в развитии искусства и прежде всего отраслей, решительно способствующих воспитанию высокой нравственности, лояльности к государству и любви к своему народу. В самосохранении театральной жизни немалую роль сыграли глубоко укоренившиеся традиции и высокий профессионализм республиканских театральных групп.

довии, Марий Эл, в Карачаево-Черкесии и Калмыкии несколько сократилась численность посещаемости театров. В остальных 15 республиках (см. табл. 1) численность театральных зрителей возросла. Хотя в целом ни в одной республике в 2001 г. не был достигнут уровень 1990-го.

Рост активности зрителей театров привёл к позитивным сдвигам в деле сближения республик по численности посещений театров. Размах вариации по данному показателю, равный 389 ед. в 1998 г. между полярными Марий Эл и Алтаем сократился в 2001 г. до 255 ед. (см. табл. 1).

Таблица 1.

Сохранение и сокращение численности зрителей театров после развала Советского Союза (на 1000 чел. населения)

	Республики	***В 1998 в % к 1990 г.***	***1990 г.***	***1998 г.***	***2001 г.***	***В 2001 в % к 1990 г.***
1.	Мордовия	73,9	303	224	191	63,0
2.	Удмуртия	68,2	384	262	278	72,4
3.	Марий Эл	55,6	709	394	267	37,6
4.	Башкортостан	55,3	304	168	209	68,7
5.	Дагестан	53,5	269	144	148	55,0
6.	Чувашия	51,4	455	234	247	54,3
7.	Тыва	50,4	351	177	186	53,0
8.	Татарстан	47,5	419	199	233	55,6
9.	Карачаево-Черкесия	41,5	294	122	109	37,0
10.	Северная Осетия	40,7	452	184	226	50,0
11.	Хакасия	39,1	276	108	159	57,6
12.	Карелия	38,5	535	205	238	44,5
13.	Бурятия	32,8	402	132	176	43,8
14.	Коми	32,6	343	112	123	35,9
15.	Кабардино-Балкария	29,9	354	106	130	36,7
16.	Саха	29,0	328	95	183	55,8
17.	Калмыкия	25,1	566	142	134	23,7
18.	Адыгея	22,6	499	113	145	29,1
19.	Алтай	3,8	133	5	23	17,3

Таблица разработана и расчёты произведены по источнику: *Регионы России, 2018:406–407.*

Республики проранжированы по удельному весу (в %) сохранившейся численности зрителей в 1998 г. по сравнению с 1990 г.

Чиновники, отвечающие за развитие искусства, в т.ч. за продвижение сферы театра в народные массы, выражают восторги по поводу увеличения численности посетителей театров в первом и втором десятилетии нового тысячелетия. Однако за вполне благоприятной внешней картиной развития театра и расширения рядов его почитателей кроется немало подводных камней. Так, например, со-

гласно официальной статистике за период между 2005 и 2017 гг. в ряде республик численность посетителей театра возросла в разы (Чеченская, Алтай, Ингушетия, Коми). Только в Карелии, Адыгее и Калмыкии произошло незначительное понижение, а в Тыве численность почитателей театра в указанные годы осталась на прежнем уровне. Во всех остальных республиках имели место позитивные сдвиги (см. табл. 2).

Таблица 2.

Динамика численности посетителей театров в 2005-2017 гг. (на 1000 чел. населения)

	Республики	***В 2017 в % к 2005 г.***	***2005 г.***	***2017 г.***
1.	Чечня	666,7	27	180
2.	Алтай	361,9	21	76
3.	Ингушетия	275,0	52	143
4.	Коми	206,1	99	204
5.	Татарстан	166,7	183	305
6.	Мордва	163,6	162	265
7.	Марий Эл	147,4	268	395
8.	Карачаево-Черкесия	138,1	63	87
9.	Кабардино-Балкария	133,7	98	131
10.	Бурятия	124,0	192	238
11.	Чувашия	123,4	252	311
12.	Хакасия	121,2	193	234
13.	Саха	109,6	178	195
14.	Дагестан	108,9	112	122
15.	Башкортостан	108,2	208	225
16.	Удмуртия	108,1	271	293
17.	Северная Осетия	103,9	203	211
18.	Тыва	100,0	124	124
19.	Карелия	99,2	256	254
20.	Адыгея	94,2	121	114
21.	Калмыкия	61,5	190	117

Республики проранжированы по убывающему приросту численности посетителей театров (в % в 2017 г. по сравнению с 2005-м.). Таблица разработана по источнику: *Регионы России, 2018:406–407*.

Вместе с тем в отличие от двух первых периодов – смутного времени первого постсоветского десятилетия, когда за исключением только двух республик – Мордовии и Удмуртии, во всех остальных к 1998 г. сохранилась половина или менее половины или менее трети числа от уровня 1990 г. и первого этапа возрождения зрительского интереса на рубеже первого и второго постсоветских десятилетий, когда произошло некоторое увеличение численности посетителей театра, в третьем периоде во всех республиках имел место рост численности посети-

телей театра за исключением Калмыкии, Карелии и Адыгеи (см. табл. 2). Однако в отличие от смутного времени 1990-х гг. и возрожденческого подъёма в течение первых двух десятилетий нового тысячелетия различия между республиками не сглаживались а, наоборот, стали обостряться. Размах вариации между полярными всё той же Удмуртией и Алтаем по численности посетителей театров составлял в 2005 г. 250 ед. и возрос в 2017 г. до 319 ед. Это означает, что обвал зрительского интереса и соответственно числа посетителей театра в 1990-е гг. обострял межреспубликанские различия. В новых условиях формирующейся рыночной экономики, обостряющейся конкуренции театров в борьбе не за зрителей, а за их кошельки, сокращения государственных дотаций и коммерциализации искусства, различия не сокращались, а увеличивались.

За впечатляющими данными о траектории внешней практики театральной сферы, отражённой, в частности, в динамике посещаемости, скрываются более глубокие и тревожные показатели глубинной противоречивости, внутренней жизни. При исследовании театра и его зрителей как одного из институтов социализации личности, адаптации человека к меняющимся условиям жизни, в т.ч. к процессам сближения или разобщения национальных культур и народов, важную роль играют исторически сложившиеся социальные функции театра[*].

[*] В литературе по социологии театра принято прежде всего выделять воспитательную функцию, принимая во внимание, что именно театру, наряду с художественной литературой, принадлежит едва ли не запевная роль в воспитании ценностей общечеловеческой цивилизации, в т.ч. принципов и норм нравственности, основ патриотизма и гражданственности, справедливости, добра и сострадания. В узком смысле театр способствует утверждению высоких правил поведения чистых ощущений и чувств, в широком смысле – служит культивированию человечности во всех поколениях людей, а не только среди молодёжи.

В установлении тактики и стратегии межэтнической толерантности, солидарности и интеграции особую роль играет гносеологическая или познавательная функция театра. В ходе её реализации зрители знакомятся с культурным опытом разных стран и народов. Неслучайно в ходе самых первых этносоциологических исследований в 1960-70-е гг. было установлено, что в основе т.н. сельского национализма лежит слабая информированность одних народов о культуре других.

С воспитательной функцией театра тесно связана аксиологическая, при реализации которой театр в ходе диалога со зрителем, временем и обществом воспитывает, направляет, утверждает и защищает нравственные основы социального самочувствия и позволяет человеку оценивать самого себя и своё место в этой жизни.

Реализация коммуникативной функции театра расширяет в обществе обмен настроением, чувствами, идеями и представлениями. В лучшем случае снижает алармизм, предотвращает конфликты, служит установлению духовной близости и общественной безопасности.

Опираясь на доктринальную основу морали и нравственности, а также на этику и эстетику, театр в той или иной мере выполняет регулятивную функцию на разных исторических этапах, оказывая влияние на поведение и духовное состояние людей.

Одной из древнейших является развлекательная функция, осуществляемая в интересах части зрителей, не обременённой высокой духовностью под непочитаемыми лозунгами «Хлеба и зрелищ».

Атмосфера специфически близкая к театральной жизни людей нашла отражение в знаменитых романах М.А. Булгакова «Театральный роман» и «Мастер и Маргарита».

Своим непременным долгом театр считает культивирование в зрителях эстетическое наслаждение, связанное с радостью восприятия, сопереживания и духовного просветления. Покупая билет на спектакль, зритель ждёт от театра, начиная с архитектуры здания до вызовов любимых артистов на бис, получение эстетического удовольствия.

Хореография, декорации, режиссура спектакля, костюмы, игра актеров в конечном итоге составляют «язык театра» или его семиотическую функцию. Без знания этого языка посещение театра вряд ли может быть полноценным.

Оказывая большое влияние на формирование мировоззренческих идей и доктрин, высокой нравственности и политической культуры, а также способствуя сохранению и развитию эстетического вкуса зрителей, театр призван реализовать одну из важнейших своих функций – гармонизацию общественного сознания.

Вовлечение театральной сферы и зрителей театра в водоворот рыночной экономики, усиление социальной дифференциации населения и другие объективные и субъективные факторы, вносят серьёзные коррективы в функциональную нагрузку российских театров. В 1990-е гг. падение уровня морали и нравственности привёло к оскудению духовных запросов и ухудшению художественных вкусов населения. В отличие от СССР, самой читающей страны мира, россияне не унаследовали эту традицию, а вместе с нею и мотивацию посещения театров. У значительного большинства граждан иссохла или угасла мотивация серьёзного отношения к театру. Нарастающие трудности повседневной жизни населения не способствовали привлечению зрителей к театру с целью реализации гносеологической, эстетической, стратифицированной, аксиологической воспитательной функции.

Уставшая душа советских людей ждала и требовала от театра компенсаторной, игровой функции и особенно – развлекательной. Всемирно известная классика в лице произведений Н.А. Островского, М.А. Булгакова, А.П. Чехова, А.М. Горького на потребу публике переиначивалась в низкопробный кич.

Трудности внутреннего бытия дополнялись проблемами внешней жизни театральной сферы. В новых условиях борьбы за выживание, за конкурентноспособность любыми методами и способами, театральный мир России в последние десятилетия XX в. хирел и мелел. Вместе с обнищанием широких народных масс и оскудением интеллектуальных усилий деятелей театра в постсоветском общест-

Никому не приходит в голову отрицать стратифицирующую функцию культуры, благодаря которой зрители усваивают, обсуждают и исполняют определённые нормы и ценности, благодаря которым они входят в тот или иной социокультурный круг духовно близких людей.

ве таяли ожидания усиления роли театра в оптимизации межэтнических отношений, в т.ч. в успешном исполнении им интегративной функции.

Ещё одна немаловажная функция театра состоит в том, что он способен и детей, и взрослых погружать в сказку, в сказочные миры и страны. Не секрет, что в современном мире людям порой не хватает сказки. В театральном сезоне 2019 г. в Москве шли минимум 4 версии «Пигмалиона». Бессмертная история, придуманная Бернардом Шоу и сегодня привлекает зрителей, т.к. помогает отвлечься от тягостных проблем, позволяет окунуться в другую жизнь. Нехитрый рассказ про Элизу Дулиттл, подобно сказке о Золушке, не только утешает и отвлекает от трудностей бытия, но и электризует, вселяя оптимизм и надежду на торжество справедливости и человечности.

«Любовь к родному пепелищу, ...»: социодинамика посещаемости музеев

Немаловажную роль в интеграционных процессах и в укреплении единства российской нации играет по своему каждый фактор (центральные, республиканские и местные музеи). Стратегическая цель деятельности музеев состоит не только в сохранении, пропаганде и систематическом пополнении культурного наследия народов России, но и в целенаправленном содействии формированию гражданской, этнической, региональной и ряду других идентичностей, в т.ч. принципов морали и нравственности.

Прежде чем перейти к изложению социодинамики посещаемости музеев в первых двух десятилетиях нового тысячелетия, напомним, что за период 1990–1998 гг. только в Тыве, Хакасии, Коми и в Республике Марий Эл имело место повышение посещаемости музеев, в т.ч. значительно – на Алтае (см. табл. 3).

Ещё в 4-х республиках – Саха, Удмуртии и Адыгеи сохранились позиции, равные около или чуть более четырёх пятых посещений от уровня 1990 г. На полярных позициях в эти же годы с максимальным сокращением посетителей музеев оказались Карелия, Татарстан, Чувашия и особенно Кабардино-Балкария. Во всех остальных республиках спад посещаемости в 1998 г. достигал более половины тех показателей, что были в 1990 г. (см. табл. 3).

Картина сокращений и в порядке исключения расширения числа посещений музеев в республиках РФ складывалась в 1990–2001 гг. крайне неравномерно. Тем не менее бедственное положение в итоге сближало, точнее едва ли не синхронно сокращало возможности постсоветских граждан в их стремлении посещать музеи. Размах вариаций, составивший в 1990 г. между Карелией и Республ-

ликой Алтай 805 ед., сократился к 1998 г. до 600 ед. и к 2001 г. до 507 ед. между Хакасией и Кабардино-Балкарией (см. табл. 3).

Таблица 3.

Сохранение и сокращение численности посетителей музеев после развала Советского Союза (на 1000 чел. населения)

	Республики	*В 1998 в % к 1990 г.*	*1990 г.*	*1998 г.*	*2001 г.*	*В 2001 в % к 1990 г.*
1,	Алтай	315,1	33	104	97	293,9
2,	Тыва	163,6	305	499	449	147,2
3,	Хакасия	158,7	417	662	570	136,7
4,	Коми	116,6	199	232	242	121,6
5,	Марий Эл	102,1	327	334	282	86,2
6,	Саха	81,9	349	286	296	84,8
7,	Удмуртия	80,3	274	220	402	146,7
8,	Адыгея	78,9	266	210	158	59,4
9,	Башкортостан	71,5	130	93	107	82,3
10,	Мордовия	68,7	262	180	216	82,4
11,	Карачаево-Черкесия	60,7	359	218	197	54,9
12,	Калмыкия	51,8	197	102	79	40,1
13,	Бурятия	50,4	395	199	349	88,3
14,	Северная Осетия	50,0	244	122	108	44,3
15,	Дагестан	49,7	151	75	157	109,0
16,	Карелия	44,7	838	375	411	49,0
17,	Татарстан	44,4	333	148	180	54,0
18,	Чувашия	28,4	409	116	198	48,4
19,	Кабардино-Балкария	13,8	441	61	63	14,3

Таблица разработана по источнику: *Регионы России, 2002, т. 2, 2002:266–267*.

Республики проранжированы по убывающему удельному весу увеличивающейся или сохраняющейся численности посетителей музеев в 1998 и 2001 гг. по сравнению с 1990 г.

После дефолта 1998 г. развитие музейной жизни, если судить о ней по динамике зрительского интереса, пошло по двум направлениям. За три года между 1998–2001 гг. в одних республиках численность посетителей музеев продолжала сокращаться, в других – начался их рост.

Первую группу республик составили Алтай, Тыва, Хакасия, Марий Эл, Адыгея, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Северная Осетия. Во вторую, с позитивной динамикой, вошли Коми, Саха, Удмуртия, Башкортостан, Мордва, Бурятия, Дагестан, Карелия, Татарстан, Чувашия, Кабардино-Балкария (см. табл. 3).

В первые десятилетия нового тысячелетия значительно возросла посещаемость музеев, что дало основание говорить о массовости роста культурных запросов россиян в результате грянувшего музейного бума. С особой прилежностью и сочувствием этот миф поддержала часть госчиновников высокого ранга и некоторые музейные работники.

В самом деле, в пяти республиках РФ число посещений музеев выросло в разы, в т.ч. зашкалило в Чечне и несколько более умеренно выросло в Татарстане и Кабардино-Балкарии, в Ингушетии и Адыгее (см. табл. 4).

Таблица 4.

Динамика численности посетителей музеев в республиках РФ за период 2005-2017 гг. (на 1000 чел. населения)

	Республики	***2005 г.***	***2017 г.***	***В 2017 г. в % к 2005 г.***
1.	Чеченская	16	282	1243,8
2.	Татарстан	245	1518	619,6
3.	Кабардино-Балкария	58	310	534,5
4.	Ингушетия	104	342	328,8
5.	Адыгея	119	266	223,5
6.	Чувашия	186	368	197,8
7.	Марий-Эл	410	803	195,8
8.	Башкортостан	118	214	181,4
9.	Алтай	131	229	174,9
10.	Дагестан	123	175	142,3
11.	Калмыкия	118	159	134,7
12.	Коми	290	354	122,1
13.	Карачаево-Черкесия	48	58	120,8
14.	Северная Осетия	79	95	120,3
15.	Карелия	587	702	119,6
16.	Мордовия	248	264	106,5
17.	Удмуртия	445	458	102,9
18.	Бурятия	391	349	89,3
19.	Хакасия	671	669	99,7
20.	Саха	649	485	74,7
21.	Тыва	532	169	31,8

Таблица разработана и расчёты произведены по источнику: *Регионы России, 2018:406–407*.

Республики проранжированы по убывающему росту численности посетителей музеев в 2017 г. по сравнению с 2005.

Во всех остальных республиках, за исключением Бурятии, Саха и Тыва, динамика посещений в 2017 г. превысила уровень 2005 г. по сравнению с посещаемостью годы первого десятилетия после развала Советского Союза. Произошёл серьёзный сдвиг в культурных запросах россиян (см. табл. 4).

Между тем отсутствие социологических исследований «музейного бума» порождает вопрос: «Какова истинная суть этого феномена?». В какой мере му-

зейный бум в сочетании с этнотуризмом может служить интегративным процессам и укоренению единства российской нации? Размах вариации по посещаемости музеев, взлетевший в 2,3 раза от 623 до 1460 ед. – между Хакасией и Карачаево-Черкесией в 1990 г. и между Татарстаном и той же Карачаево-Черкесией в 2017 г., красноречиво свидетельствует о неравномерном распределении «музейного бума» и следовательно не об увеличении сходств между республиками, а о росте различий между ними.

Загадка «музейного бума», разумеется, требует специальных исследований, Однако даже невооружённым взглядом видно, что, во-первых, главные музейные мегаполисы делают ставку не столько на горожан и сельчан, сколько на туристов, Понятное дело, без регулярных больших заездов потенциал традиционных и обновлённых музейных артефактов, экспонатов и специализированных выставок вряд ли сможет помогать музеям выживать, а музейному бизнесу приносить прибыль. Нынешние чиновники и бизнесмены, похоже, готовы на всё, чтобы придать культурным запросам населения видимость массовости, а работники музейной сферы создают новые форматы, завлекательные экспозиции, увлекательные экскурсии. Однако «спортивный» привкус, привносимый в музейное дело в ходе нарастающей конкуренции, вряд ли должен превращать музеи в стадион. Хотя спорт тоже может служить делу воспитания патриотизма, гражданской идентичности и межэтнической интеграции, но эта тема не входит в задачу данной статьи.

Главное духовное пространство интегративных процессов – это социальное самочувствие россиян, их культура, язык и история во всей их красоте, величавости, а не в спортивной соревновательности. В музейном деле, как и в театральной сфере, как и в искусстве в целом, суетливость и погоня за посетителями (фактически конкуренция не за зрителя, а за их кошельками), не терпит суеты. Постижение прекрасного должно быть неторопливым, размеренным, обдуманным и продуманными и «менее всего похожим на перекус в заведении фастфуда». Неслучайно влиятельная газета «Культура», призванная освещать духовное пространство Евразии, напоминает, что «Международный день музеев, учреждённый, кстати, по инициативе СССР, был призван подчеркнуть, что именно в музейных коллекциях хранятся самые великие произведения культуры, ценнейшие свидетельства эпох и цивилизаций» [*Северин, 2019*].

Разумеется, наш выбор объекта исследования – речевое и культурное поведение посетителей, любителей и ценителей театра и музейной сферы с целью удовлетворения социокультурных запросов, определён не только наличием достаточной статистико-информационной базы, но прежде всего единством и разнообразием функций каждой из сфер, в т.ч. по их ролью в интегративных процессах российского нациестроительства. Знаменательна сама по себе тенденция сближения этих сфер в их культуртрегерском воздействии на зрителей театров и посети-

телей музеев. В 1977 г. на конференции Международного совета музеев, состоявшейся в Москве и Ленинграде, было принято предложение ежедневно 18 мая чествовать хранителей культурных ценностей. Через 15 лет возникла идея проводить тематические Дни музеев, а ещё через 5 лет в Берлине прошла первая «Ночь музеев», Москва присоединилась к этому движению в 2007 г.

Девизом 2019-го года стал лозунг «Живи в музее», призванный активизировать посещение музеев. Он манифестирует тот факт, что «Музеи – по-прежнему довольно консервативные сообщества: это и хранение, и история, и искусство. Но в праздничную ночь музеи будут заниматься тем, чего в обычные дни не делают <… Речь идёт о двухдневном марафоне "обживания" художниками музейных пространств "Твори в музее", аудиоспектаклях "Слушай в музее", кинопрограмме "Смотри в музее", тематических маршрутах от известных деятелей культуры "Гуляй в музее", об историческом проекте "Учись в музее", многожанровой программе "Живи в музее" и посвящённом теме инклюзивности проекте "Чувствуй в музее"» [*Северин, 2019*].

2019-й год Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина посвятил Году театра, «Для нашего музея каждый год, – как отметил гендиректор музея Дмитрий Родионов, – Год театра. Но эта всероссийская акция привлечения внимания к театральному искусству предоставляется мне важнейшим трендом, она необходима всем зрителям, которые к ней приобщаются и привлекаются» [*Северин, 2019*].

В постсоветский период интенсивность посещений музеев наиболее высокой была в Северо-Западном федеральном округе, составляя соответственно в 2005 г. – 1616, 2010 – 1773, в 2017 – 2450 посещений. Второе место все три года уверенно занимал Центральный федеральный округ. Наименьшей посещаемость была в Северо-Кавказском федеральном округе, занимавшем среди округов последнее место. Посещаемость музеев превосходила численность зрителей театров во всех без исключения федеральных округах, в т.ч. в Северо-Западном округе в указанные годы соответственно в 5,6; 6,4; 5,9 раза, в Южном федеральном округе – в 4,0; 4,2; 4,5 раза.

Немалую роль в увеличении широкомасштабной посещаемости музеев играет последовательно развивающийся внутрироссийский и межгосударственный туризм. Центральное место в его развитии, разумеется, принадлежит туристу – человеку, посещающему место временного пребывания в познавательных, профессионально-деловых, лечебно-оздоровительных, физкультурно-спортивных, религиозных и других делах. «Музейный бум», радующий госчиновников, во многом, надо думать, обязан туризму.

Не вызывает удивление синхронность увеличения посещений музеев и расширение потоков туристов. В 2017 г. по сравнению с 2005 г. в целом и по отдельным регионам Российской Федерации численность внутригосударственных

туристов возросла почти вдвое, в т.ч. в Южном федеральном округе она составила 404,0%, в Северо-Кавказском – 355,9%, в Северо-Западном – 268,9% (см. табл. 5).

Таблица 5.

Динамика соотношения численности зрителей театров и посещения музеев (на 1000 чел. населения)

	Федеральные округа	*Число посещений музеев (чел.)*			*Во сколько раз число посещений музеев преобладало над численностью посетителей театров*		
		2005 г.	*2010 г.*	*2017 г.*	*2005 г.*	*2010 г.*	*2017 г.*
	Россия	527	567	800	2,7	2,6	3,0
1.	Центральный	617	647	977	2,7	2,5	2,9
2.	Северо-Западный	1616	1779	2450	5,6	6,4	5,9
3.	Южный	482	519	730	4,0	4,2	4,5
4.	Северо-Кавказский	132	174	236	1,5	1,9	1,8
5.	Приволжский	281	332	544	1,5	1,6	2,2
6.	Уральский	285	287	366	1,6	1,4	1,5
7.	Сибирский	362	374	398	1,8	1,6	1,5
8.	Дальневосточный	442	400	380	2,9	2,1	1,6

Таблица разработана и расчёты произведены по источнику: *Регионы России, 2018:406–407*.

Во всех федеральных округах, за исключением Дальневосточного федерального округа, за этот же период увеличились выезды россиян за пределы России, составив в 2017 г. по сравнению с 2005 г. 390,2% в Приволжском, 367,8% в Южном и 293,5% в Центральном федеральном округе (см. табл. 6).

Таблица 6.

Динамика численности туристов по России и по зарубежным странам (тыс. чел.)

	Федеральные округа	*По России*			*По зарубежным странам*		
		2005 г.	*2017 г.*	*%*	*2005 г.*	*2017 г.*	*%*
	Россия	1696,5	3285,4	193,6	2699,8	5630,0	208,5
1.	Центральный	562,4	767,0	136,4	876,0	????	293,5
2.	Северо-Западный	267,9	720,4	268,9	528,1	584,7	110,7
3.	Южный	144,0	581,8	404,0	65,3	240,2	367,8
4.	Северо-Кавказский	23,6	84,0	355,9	38,1	51,1	134,1
5.	Приволжский	314,8	561,0	178,2	165,6	646,2	390,2
6.	Уральский	136,5	208,2	152,5	189,7	520,4	274,3
7.	Сибирский	206,5	292,1	141,4	259,1	648,1	250,1
8.	Дальневосточный	40,9	71,1	173,8	579,9	368,1	63,5

Таблица разработана и расчеты произведены по источнику: *Регионы России, 2018:М, 2018. С. 424–425*.

С внушительной внешней историей социодинамики численности зрителей театров и посещений музеев, теснейшим образом связана внутренняя история, Она состоит из факторов, определяющих мотивы, культурные и деловые запросы людей, принимающих решение купить билет на спектакль или на вход в музейное помещение. Факторам этим несть числа…

Знакомство с крайне скудной историографией вопроса, с вполне и не вполне вызывающей доверие статистикой, позволяет всё же предположительно выделить приоритеты городского населения перед сельским, женщин перед мужчинами, прямую зависимость посещений от величины доходов и расходов, преобладание среди зрителей театров скорее людей пожилых, чем молодёжи и посетителей трудоспособного возраста. Немаловажную роль играют прямо пропорциональные показатели зависимости от торгового оборота и обратно пропорциональные – с масштабами преступности и, наконец, в самое последнее время немаловажную роль играет охват населения интернетом.

Три федеральных округа – Северо-Западный, Центральный и Сибирский, лидировавшие в 2005 г. среди остальных по численности зрителей театра, можно условно представить в виде таксона, как это сделано в табл. 6.

Далее таким же образом выделить лидирующие федеральные округа, которые занимали первые три места по тем или иным (включённым в табл. 6) социально-экономическим показателям. Совпадение первых двух мест, занимаемых Северо-Западным и Центральным федеральным округами по 8 пунктам из 12, включённым в анализ, даёт некоторое основание сделать ряд выводов, памятуя, что наряду с ними, внутренняя история повседневности театров полна и рядом других объективных и субъективных факторов, в т.ч. личностно персонифицированных. Соблюдая предосторожность, можно всё же думать, что зрительская активность выше в тех округах, где доля горожан преобладает над удельным весом сельчан, а доля женщин над долей мужчин.

Прямое влияние на любителей музеев оказывают и непосредственно экономические факторы. Неслучайно высокая зрительская активность коррелируется с наиболее высокими среднедушевыми доходами и расходами, с повышенными показателями оборота торговли в пересчёте на душу населения. В дополнительном исследовании нуждается рассматриваемая межтаксонная зависимость численности зрителей театров с людьми старшего возраста, т.к. трудно предположить, что молодёжь и люди трудоспособного возраста ходят в театр реже, чем пенсионеры.

Не исключено, что между театральной и криминальной публикой, как видно из табл. 6, действует не прямая, а обратно пропорциональная зависимость: чем выше криминал, тем ниже духовные запросы и готовность купить, увы, не дешёвые билеты в современный театр (см. табл. 6). Наконец, сделанные выводы на основе совпадения данных таксонов по численности театралов и социально-

экономическим показателем развития регионов подтверждается сходными тенденциями, согласно данным за 2017 г. (см. табл. 7).

Таблица 7.

Некоторые факторы зрителей театров и посещений музеев (по данным на 2005 г.)

	Федеральные округа	Посетители театров и посещение музеев (на 1000 чел.)		Доля городского населения (%)	Доля женщин(%)	В рублях		Возраст (%)			Торговые услуги в месяц (руб.)	Преступления (на 1000 чел нас.)	2014 интернет (в % от общей числ. насел.)
		театры	музеи			Доход	Расход	Молодые	Трудоспособные	Старшие			
1.	Северо-Западный	289	1616	82,6	1182	8996	5804		56,5	21,4	49022		75,5
2.	Центральный	228	617	80,4	1183	10902	7797			23,4	68302		71,4
3.	Сибирский	202						17,7				2914	
4.	Приволжский	188			1171								
5.	Уральский	178		79,6		9581	6028		64,7		53973	3405	75,6
6.	Дальневосточный	152						18,0	65,7			2947	
7.	Южный	120	482							22,1			
8.	Северо-Кавказский	89						24,8					

Таблица разработана по источнику: *Регионы России, 2018:406–407, 427–428, 795–796, 43–52, 190–191, 230–231, 890–891.*

Таблица 8.

Таксоны и факторы зрителей театра и посещений музеев по данным на 2017 г.

	Федеральные округа	Посетители		Доля городск. насел.	Доля женщин	Доход	Расход	Возраст			Торговые услуги	Преступления	Интернет
		театра	музея					Молодёжь	Трудоспо-соб.	Старшие			
1.	Северо-Западный	413	2450	84,4	1168	33890	25294		56,5	26,6	209899		81,5
2.	Центральный	333	977	82,2	1177	40843	30774			27,6	258278		81,4
3.	Сибир-ский	257						20,5				1887	
4.	Южный	161	730							26,5			81,2
5.	Уральский	243		81,4				20,4				1663	
6.	Приволжский	251			1167								
7.	Северо-Кавказский	128						24,8	57,8				
8.	Дальне-восточный	235				37070	26538		57,8		213001	1882	

Таблица разработана по источнику: *Регионы России. 2018:43–52, 190–191, 406–407, 427–428, 795–796, 890–891*.

По данным официальной статистики, без специальных исследований трудно выделить конкретные расходы зрителей театров и посещений музеев. Однако проводимые статистическими органами выборочные обследования бюджетов во всех федеральных округах дают возможность судить о соотношении расходов на культуру и культурные мероприятия в сравнении с остальными расходами по обеспечению жизнедеятельности (см. табл. 8).

Культура и культурные мероприятия в системе потребительских расходов

В соответствии с важнейшими функциями культуры по духовному обогащению человека, воспитанию и поддержке в нём норм и принципов морали и нравственности, а также воздействия с помощью культуры на морально-духовное состояние российской нации, государство берёт на себя обязательства по обеспечению доступности для граждан заниматься культурной деятельностью, по обретению, усвоению и освоению культурных благ и ценностей. С этой целью государство осуществляет бюджетное финансирование учреждений культуры, устанавливает особый порядок налогообложения некоммерческих организаций культуры, способствует развитию благотворительности в области культуры, осуществляет точечную поддержку малообеспеченных граждан.

Исследование расходов государства на культуру и культурную деятельность представляет собой особую задачу по мониторингу и анализу внешней истории развития и взаимодействия культур народов России в различных сферах: в театре, музеях, литературной деятельности, в сфере образования, в искусстве, в кинематографе и в ряде других.

Центральная задача нашего антропологического исследования видится в анализе внутренней истории, взаимодействия и взаимообогащения культур в процессах их автономного развития и межкультурного обмена. В качестве бренда предлагается, как уже говорилось, сентенция: «татары празднуют Пасху, а русские покупают конскую колбасу, изготовленную по рецепту халяль».

Наша задача в данном случае ограничивается созданием панорамной картины объёма, структуры и динамики потребления – от расходов на организацию отдыха и культурные мероприятия на фоне остальных видов расходов, включая продукты питания с безалкогольным напитками, одежду и ЖКХ, до образования и бытовых услуг вплоть до стремительно развивающихся услуг через интернет.

Несмотря на ограниченность поставленной задачи, тем не менее можно надеяться, она позволит на основе данных официальной статистики и соцопросов выявить сходства и различия в духовной и морально-нравственной социализации

граждан, если не в прямом этническом, то по крайней мере в региональном (на уровне федеральных округов), на внутрирегиональном (на уровне республик и остальных субъектов РФ), а также на личностном, основанном на итогах этносоциологических обследований и исследований.

В программе исследования предусмотрена рабочая гипотеза различий в структуре и динамике потребительских расходов населения: от обобщённых показателей на уровне федеральных округов к усиливающимся различиям на уровне республик и областей и, наконец, до существенно различающихся расходов отдельных граждан.

Трудно переоценить значение расходов населения на продовольственные и непродовольственные товары и услуги, т.к. эти показатели являются, во-первых, одними из важнейших данных, характеризующих уровень жизни, во-вторых, тенденции социально-экономического и социокультурного расслоения или выравнивания, в-третьих, сигнализируют о степени интегративных или дезинтегративных процессов в обществе, т.е. в сбережении единства российской нации. Напомним, что в благополучных странах расходы на питание составляют не более 15% от общих затрат, остальное люди могут тратить на одежду, культурную деятельность, на образование и путешествия. В менее богатых странах продукты питания отнимают у населения до 40–50% от их общих расходов.

Таблица 9.

Динамика структуры потребительских расходов в Российской Федерации в 2010–2017 гг.

	Потребительские расходы на:	***2010 г.***	***2017 г.***	***Динамика***
1.	Продукты питания и безалкогольные напитки	29,6	31,2	+2,5
2.	Транспорт	14,9	16,0	+1,1
3.	ЖКХ и топливо	11,3	10,9	-0,4
4.	Одежда и обувь	10,8	8,8	-2,0
5.	Организация отдыха и культурные мероприятия	6,8	6,9	+0,1
6.	Предметы домашнего обихода, бытовая техника, уход за домом	6,2	5,3	-0,9
7.	Связь	3,8	3,1	-0,7
8.	Гостиницы, кафе, рестораны	3,4	3,3	-0,1
9.	Здравоохранение	3,2	3,8	+0,6
10.	Алкогольные напитки и табачные изделия	2,4	3,0	+0,6
11.	Образование	1,3	0,8	-0,5
12.	Другие товары и услуги	6,3	6,9	+0,6

Таблица разработана по источнику: *Регионы России, 2018:240–243*.

Согласно итогам выборочного обследования структура потребительских расходов в 2017 г. по сравнению с 2010 г. не претерпела разительных изменений.

Рекордное увеличение расходов за указанные годы на продукты питания и безалкогольные напитки в целом по стране вместе с расходами на транспорт, на питание в гостиницах, кафе и ресторанах заняло более половины совокупных расходов на обеспечение жизнедеятельности. В сочетании с сокращением расходов на одежду и обувь, на образование и предметы домашнего обихода, бытовую технику и уход за домом с 18,3 до 14,9% можно, не будучи экономистами, сделать осторожный вывод об ухудшении экономического положения в стране и состояния россиян (см. табл. 9).

Потребительские расходы составляют не менее трёх четвертей всех затрат. Они обусловлены преимущественно внешними по отношению к человеку факторами, а также в некоторой степени и личными обстоятельствами. Среди факторов, оказывающих сильное влияние на динамику потребительских расходов, видное место занимают денежные расходы населения, уровень потребностей россиян, текущая мода и уровень цен, а также климатические и социально-экономические условия образа жизни. Так, например, этническая, региональная, религиозная или гражданская идентичность, принадлежность к определённой социально-профессиональной группе ориентируют индивида вести присущий данной интеллектуальной или социальной группе населения соответствующий образ жизни.

Особое внимание обращают на себя размеры потребительских расходов на две лидирующие статьи расходов (питание и транспорт) и два аутсайдера (образование и здравоохранение). 6 пунктов потребительских расходов из 12-ти: 1) продукты питания и безалкогольные напитки, 2) одежда и обувь, 3) ЖКХ, 4) предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом, 5) транспорт и 6) организация отдыха и культурные мероприятия занимали в 2010 г. почти четыре пятых (79,6%) потребительских расходов россиян. На долю остальных 6 пунктов (номинантов) оставалось всего 20,6%. Сюда входили расходы на 1) алкогольные напитки и табачные изделия, 2) здравоохранение, 3) связь, 4) образование, 5) гостиницы, кафе и рестораны, 6) другие товары и услуги.

По 6 лидирующим пунктам потребительских расходов сохранялась более или менее устойчивая структура расходов за весь период между 2010–2017 гг. без значительных отклонений от средней величины по стране в целом. Сумма потребительских расходов по лидерам сократилась на 0,5%, по сравнению с 2010 г., в 2017 г. заметнее всего поднялись потребительские расходы в Северо-Кавказском федеральном округе (+2,7%), сократились в Южном на –2,8% (см. табл. 10).

Таким образом структуры потребительских расходов по 6 лидирующим пунктам на уровне федеральных округов мало отличались друг от друга, во-первых, за счёт усреднённых показателей между федеральными округами, во-вторых, за счёт усреднения по типам услуг.

Таблица 10.

Устойчивость и динамичность структуры потребительских расходов (по федеральным округам)

		2010 г.	*2017 г.*	
	Федеральные округа РФ	79,6	79,1	-0,5
1.	Центральный	79,6	79,1	-0,5
2.	Северо-Западный	78,6	78,6	=
3.	Южный	81,3	78,5	-2,8
4.	Северо-Кавказский	80,6	83,3	+2,7
5.	Приволжский	79,9	79,3	-0,6
6.	Уральский	79,0	80,0	+1,0
7.	Сибирский	79,5	77,3	-2,2
8.	Дальневосточный	79,7	77,7	-2,0

Таблица разработана и расчёты произведены по источнику: *Регионы России, 2018: 242–243*.

В третьем постсоветском десятилетии наибольшую долю потребительских расходов составили продовольственные товары, достигая в ряде регионов едва ли не треть от общей суммы расходов. Повышение затрат на продукты питания не только в домашней, но и в общественной сфере сопровождалось, во-первых, снижением цен на непродовольственные товары, во-вторых, служило хотя и косвенно, показателем перехода населения в режим экономии, в-третьих, оказывало влияние на региональную дифференциацию населения, что отнюдь не способствовало укреплению внутреннего единства российской нации.

Так, например, размах вариации по долям расходов на продукты питания и безалкогольные напитки между Северо-Западным федеральным округом, с одной стороны, и двумя другими – Центральным и Уральским увеличился с 10,4 в 2010 г. до 12,0 ед. в 2017 г., по доле расходов на транспорт – с 5,0 ед. между Северо-Западным и Южным федеральными округом в 2010 г. до 8,0 ед. между Центральным и Северо-Кавказским округами в 2017 г. (см. табл. 9).

Структура потребительских расходов на продовольственные и непродовольственные товары служит показателем уровня населения в различных регионах в новых условиях. Обращает на себя внимание закономерность, согласно которой увеличение доли потребительских затрат на продовольственные товары в третьем постсоветском десятилетии влекло за собой снижение расходов не только на оплату услуг ЖКХ и одежды, но и на образование. Исключительно низкую долю расходов составили затраты населения на организацию отдыха и культурные мероприятия. Между тем от величины затрат на потребление культурных ценностей и услуги на обучение и воспитание подрастающих поколений в немалой мере зависит состояние социального самочувствия людей, в т.ч. уровень морали и нравственности и

ответственности перед своим народом и перед обществом. О неравномерности складывания тенденций сходств и различий в сфере культурной деятельности свидетельствует динамика потребительских расходов на организацию отдыха и культурных мероприятий. В 2017 г. по сравнению с 2010 г. в одних федеральных округах – Северо-Западном, Северо-Кавказском, Приволжском она хоть и незначительно, всё же возросла, в остальных, в т.ч. в Центральном, Южном, Уральском, Сибирском и Дальневосточном – сократилась (см. табл.11).

Таблица 11.

Структура и динамика потребительских расходов в федеральных округах. По итогам выборочного обследования бюджетов 2010–2017 гг.

	Федеральные округа	Продукты питания, б/а напитки		Транспорт		ЖКХ		Одежда, обувь		Организация отдыха, культ. мероприятия		Образование	
		2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.
1.	Центральный	27,0	29,4	16,0	17,9	11,0	10,3	11,7	9,2	8,1	7,9	1,2	0,6
2.	Северо-Западный	29,8	29,8	16,3	16,6	11,2	11,0	9,1	8,1	6,8	7,8	1,0	0,6
3.	Южный	34,8	34,9	11,3	12,3	12,0	11,3	9,5	8,8	5,4	5,1	1,6	1,1
4.	Северо-Кавказский	37,4	41,4	13,0	9,9	10,0	10,7	12,1	9,9	4,1	4,5	1,1	0,8
5.	Приволжский	30,8	31,2	15,9	16,7	11,0	11,0	10,3	8,3	5,4	6,7	1,7	0,9
6.	Уральский	27,0	30,3	15,1	17,3	11,4	11,3	11,0	7,9	8,6	8,5	1,2	0,7
7.	Сибирский	31,0	32,1	13,2	14,2	12,0	11,5	11,0	8,9	5,6	5,5	1,2	0,8
8.	Дальневосточный	30,0	29,7	12,7	14,2	12,2	12,8	11,7	9,2	6,6	6,1	1,4	1,1
9.	РФ	29,6	31,2	14,9	16,0	16,0	10,9	10,8	8,8	6,8	6,9	1,3	0,8

Таблица разработана по источнику: *Регионы России, 2018:240–243*.

Противоречивость тенденций складывания структуры потребительских расходов проявляется с особой наглядностью при анализе сходств и различий между отдельными субъектами федерации, например, в рамках одного из федеральных округов. Так, например, во всех республиках Приволжского федерального округа, за исключением Татарстана, доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в 2017 г. по сравнению с 2010 г. возросла, в т.ч. в Удмуртии и Чувашкой Республике соответственно на 8,4 и 8,3 пунктов, а в Марий Эл и Башкортостане – на 1,5 и 2,6 пунктов. В Татарстане за указанный период доля расходов на продовольственные товары снизилась на 9,9 пунктов (см. табл. 12).

Таблица 12.

Структура и динамика потребительских расходов и 6 областях Приволжского федерального округа

	Республики и области ПФО	*Продукты питания*		*Транспорт*		*Организация отдыха и культурные мероприятия*		*Образование*	
		2010 г.	*2017 г.*	*2010 г.*	*2017 г.*	*2010 г.*	*2017 г.*	*2010 г.*	*2017г.*
1.	Башкортостан	28,9	31,5	24,9	16,6	5,4	6,0	1,5	0,9
2.	Марий Эл	33,0	34,5	11,8	10,3	5,9	6,2	1,3	0,5
3.	Мордовия	32,8	39,7	12,6	8,1	3,8	4,6	1,5	0,3
4.	Татарстан	35,7	25,8	9,7	23,6	4,6	5,6	2,1	1,3
5.	Удмуртия	20,5	28,9	13,3	16,5	6,6	8,5	1,1	0,7
6.	Чувашия	28,1	36,4	22,2	14,4	4,1	5,5	2,6	0,7
7.	Нижегородская	28,8	29,1	14,5	11,6	6,8	11,2	1,0	0,4
8.	Оренбургская	32,3	29,7	12,0	25,3	5,3	4,2	0,9	0,9
9.	Пензенская	38,5	34,9	12,1	15,7	5,1	6,2	0,9	0,7
10.	Самарская	27,5	31,8	16,7	16,2	4,6	5,4	3,2	1,4
11.	Саратовская	39,9	42,2	7,1	8,5	4,5	5,0	1,3	1,3
12.	Ульяновская	33,2	36,9	18,6	12,3	4,2	6,8	2,1	0,9

Таблица разработана по источнику: *Регионы России, 2018:242–243*.

Из 6 областей (субъектов РФ) в четырёх – Нижегородской, Самарской, Саратовской и Ульяновской доля расходов на продовольственные товары возросла, хотя относительно несколько в меньших масштабах, чем в республиках Приволжского федерального округа. Кроме того, в Оренбургской и Пензенской областях расходы граждан на продовольственные товары снизилась соответственно на 2,6 и на 3,6 пунктов (см. табл. 12).

Сравнительный анализ структуры и динамики потребительских расходов в республиканском разрезе, а также между остальными субъектами Приволжского федерального округа между 2010 и 2017 гг. убеждает в противоречивости тенденций выравнивания и сближения показателей жизнедеятельности населения, что, по-видимому, отражает неравномерность складывания социального неравенства. Так, например, в третьем постсоветском десятилетии размах вариации по долям расходов россиян на продовольственные товары и безалкогольные напитки в республиках возрос с 7,6 до 13,9 пунктов, по расходам на транспорт – с 15,2 до 15,5, по расходам на организацию отдыха и культурные мероприятия с 2,8 до 3,9 пунктов и сократился по расходам на образование с 1,5 до 1,0.

Картину между областями Приволжского федерального округа, если судить по динамике показателей размаха вариации, представляли тенденции сближения расходов на образование (от 2,3 до 1,8), сохранение стабильности по расходам на культурные потребности (2,6) и некоторое увеличение расходов на продовольствие (от 12,4 до 13,1) и на транспорт (от 11,5 до 16,8).

Сухие статистические показатели, проанализированные в межрегиональном и внутри региональном разрезе, вполне согласуются со специальными исследованиями, согласно которым более трети своих расходов среднестатистический россиянин тратит на продукты, тогда как европеец – в два раза меньше. Так, например, в 2016 г. потребительская активность россиян снизилась на 5%, что привело к увеличению потребления самых дешёвых продуктов – картошки, лука, капусты и моркови. Можно согласиться с тем, что личная инфляция граждан заметна выше, чем свидетельствует Росстат.

Если бы появились лишние деньги…

Понятное дело, деньги никогда не бывают лишними. Однако наш разговор не о деньгах. Нас интересуют установки граждан на приоритетные материальные и духовные ценности, без которых жизнедеятельность современного человека не может считаться полноценной и привлекательной. Трудно определить, что такое «лишние деньги». Можно, конечно, воспользоваться советами интернета: как потратить излишки денег, образовавшихся в семейном бюджете после ежемесячной оплаты счетов и долгов, покупки нужных продовольственных и непродовольственных товаров, необходимых для повседневного существования. Однако обратившись к мнениям людей, можно на основании их ответов определить относительную «цену каждой ценности». Урожай собранных голосов позволит построить некую пирамиду тех материальных и духовных запросов на товары и ценности, по которой можно судить о сходствах и различиях между людьми и, следовательно, далее об интегративных или дезинтегративных тенденциях в межнациональных отношениях.

Если бы у граждан Башкортостана, в т.ч. у столичных жителей – уфимцев, в 2017 г. появились лишние деньги, то в первую очередь они отложили бы на чёрный день (18,2%), купили бы квартиру или дом (16,8%), внесли бы в семейный бюджет (16,2%). Расходы на культуру, на культурное развитие, на посещение кино, театра, на путешествия и туризм, заняли четвёртое место среди 11 видов расходов у опрошенных в г.Уфе и в малых городах республики, а среди сельчан на 7–8 место (см. табл. 13).

Таблица 13.

Структура предполагаемых расходов при наличии лишних денег у горожан и сельчан (в % по итогам опроса 2017 г., Башкортостан, n=573)

	Потратил бы:	*Место проживания*			*Всего*
		Уфа	*Другие города*	*Село*	
1.	Отложил бы на чёрный день	20,4	16,7	16,0	18,2
2.	Купил квартиру или дом	18,3	12,6	23,4	16,8
3.	Отдал бы в семейный бюджет	14,6	17,2	18,1	16,2
4.	Потратил бы на своё культурное развитие (кино, театр, туризм)	8,8	10,0	4,3	8,6
5.	Открыл бы собственное дело	6,2	9,6	6,4	7,7
6.	Купил бы автомобиль	5,8	9,2	12,8	8,4
7.	Купил акции прибыльного предприятия	4,6	3,8	2,1	3,8
8.	Потратил бы на своё и детей образование	4,2	5,4	6,4	5,1
9.	Купил золото и драгоценности	3,8	3,3	4,3	3,7
10.	Потратил бы на всё, что придёт в голову	2,1	5,4	1,1	2,3
11.	На благотворительность	1,7	2,1	1,1	1,7
12.	З/о	7,1	3,8	4,3	5,2

Данные по Башкортостану приведены по итогам реализации в 2017 г. проекта «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие (авторы Ф.Г. Сафин и А.И. Халиулина), число опрошенных 573 чел.

Менее всего опрошенные нестоличные горожане готовы были потратить лишние деньги на приобретение золота и других драгоценностей, на будущие расходы по принципу «на всё, что придёт в голову», и наконец на благотворительные цели. Для сельских жителей даже расходы на золото и драгоценности выглядят несколько более привлекательными, чем на рискованное приобретение акций прибыльного предприятия. Несколько неожиданно и интригующе выглядит установка на расходы лишних денег на образование, которое занимает 8-е из 11 мест расходов на товары и услуги. Видимо, это объясняется или хорошо налаженной системой образования в Республике Башкортостан, либо недостаточным доверием образованию как фактору в социализации и успешной карьеры.

Стоит напомнить, что официальная статистика о затратах на культуру и культурную деятельность свидетельствует скорее об ухудшении положения дел в этой сфере жизни, чем об улучшении. В 2017 г. в Республике Башкортостан потребительские расходы на продукты питания и безалкогольные напитки по сравнению с 2010 г. возросли с 28,9 до 31,2% в общем балансе потребительских расходов, т.е. на 2,6%, в то время как по Приволжскому федеральному округу – всего на 0,4%, а по Российской Федерации в целом – на 0,6% [*Регионы России, 2018:240–243*].

Численность зрителей театров за период между 2010 и 2017 гг. в Республике Башкортостан возросла с 199 до 225 на каждые 1000 чел. населения, в то время как по Приволжскому федеральному округу – с 210 до 251, а по России в целом с 217 до 269, Число посещений музеев в указанные годы возросло до 233 посещений на 1000 чел., в Приволжском федеральном округе – на 212, а в Республике Башкортостан – на 78 посещений [*Регионы России, 2018:406–407*].

Совпадение официальных данных о численности телезрителей и числе посещений музеев и театров с данными этносоциологического опроса даёт основание делать вывод о снижении социально-экономического уровня жизни и вместе с ним о сокращении масштабов культурной деятельности.

Судя по сходной иерархии установок опрошенных разных возрастов на расходы лишних денег в первую очередь на приобретение квартиры, на откладывание на чёрный день и на вложение в общий семейный котёл, можно думать, во-первых, о том, что социальное расслоение и имущественное неравенство не самым сильным образом угнетает население Башкортостана.

Во-вторых, сходные интенции по выбору семейных ценностей у всех трёх возрастных категорий Башкортостана свидетельствует о прочности семейных традиций, выступающих приоритетными на фоне остальных.

Незначительные отклонения в общей структуре намерений опрошенного населения потратить лишние деньги не меняют наших представлений относительно стабильности градуса социальной атмосферы в Республике Башкортостан. Вполне естественно, что среди молодёжи третье место по готовности потратить лишние деньги занимает не семейный бюджет, а желание повышать свой культурный уровень, ходить в театр, путешествовать и даже покупать книги наряду с современными коммуникационными технологиями, а также принимать активное участие в разнообразной культурной деятельности. В отличие от молодёжи, готовность к культурным расходам у трудоспособной части населения среднего возраста снижается с 3-го на 6-ое место, а у лиц старшего поколения с 3-го на 4-ое (см. табл. 14).

Вопрос анкеты о возможных и желательных расходах лишних денег вызвал наибольшую апатию среди лиц старшего возраста. С одной стороны, все три требующие активности и мобильности номинируемые в анкете цели: 1) купил бы акции прибыльного предприятия, 2) купил бы золото и драгоценности, 3) потратил бы на всё, что придёт в голову, собрали однотипно низкое число голосов, во-вторых, как и у многих слоёв населения не только Башкортостана, но и России, нет по бедности широковещательной практики расхода денег на благотворительные цели.

Вместе с тем у старшего поколения, учившегося в советской системе образования, есть устойчиво позитивное отношение к культуре, пониманию того, что культура имеет значение. Неслучайно готовность потратить лишние деньги на

культуру заняла достойное четвёртое место после трат на нужды семейного бюджета (см. табл. 14).

Таблица 14.

Структура предполагаемых расходов при наличии лишних денег (в % по итогам опроса 2017 г., Башкортостан, n=573)

	Потратил бы	*Возраст*		
		Молодёжь	*Средний*	*Старший*
1.	Купил квартиру или дом	16,6	19,1	14,1
2.	Отложил бы на чёрный день	15,6	16,2	23,5
3.	Потратил бы на своё культурное развитие (кино, театр, туризм)	11,1	6,4	8,2
4.	Открыл бы собственное дело	10,6	6,9	5,3
5.	Купил бы автомобиль	10,1	8,3	6,5
6.	Отдал бы в семейный бюджет	9,5	20,6	18,8
7.	Купил золото и драгоценности	4,5	3,4	2,9
8.	Потратил бы на всё, что придёт в голову	4,5	2,5	2,9
9.	Потратил бы на своё и детей образование	4,0	5,9	5,3
10.	Купил акции прибыльного предприятия	3,5	4,9	2,9
11.	На благотворительность	0,5	2,5	2,4
12.	З/о	8,0	2,0	6,9

Данные по Башкортостану приведены по итогам реализации в 2017 г. проекта «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие (авторы Ф.Г. Сафин и А.И. Халиулина), число опрошенных 573 чел.

Логично было бы предположить, что заметное ухудшение социально-экономического положения населения и связанное с ним сокращение намерений людей оплачивать культуру и культурную деятельность вело бы к разобщению лиц различной национальной принадлежности, в т.ч. за счёт несхожести культурных запросов и несовпадения мотиваций культурной деятельности. Данные опроса 2017 г. не дают оснований считать подобную гипотезу подтверждённой.

В структуре готовности потратить лишние деньги: 1) отложить на чёрный день, 2) купить квартиру или дом, 3) внести в общий котёл семейного бюджета заняли у башкир, татар и русских первые три лидирующие позиции. Более того, следующие три места – 4) потратить на своё культурное развитие и культурную деятельность, 5) покупка автомобиля, 6) организация собственного дела у представителей всех трёх национальностей совпали хотя и с незначительными расхождениями в иерархии предполагаемых расходов (см. табл. 15).

Особое внимание заслуживает тот факт, что готовность потратить лишние деньги на культуру и культурную деятельность, занимает у башкир, татар и русских устойчивое 4-е место, т.е. первое место после расходов на семейные нужды.

И если обеспечение семьи является одинаково приоритетным независимо от национальной принадлежности, то личностные расходы, т.е. расходы на своё культурное развитие и культурную деятельность свидетельствуют о решительном совпадении культурных запросов. Ничем другим, как доставшимся от советской эпохи межэтническим единством культурных традиций, нельзя объяснить совпадение иерархической диспозиции культурного облика представителей трёх народов Башкортостана.

Таблица 15.

Структура предполагаемых расходов при наличии лишних денег (в % по итогам опроса 2017 г., Башкортостан, n=573)

	Потратил бы:	***Национальности***			***Всего***
		Башкиры	***Татары***	***Русские***	
1.	Отложил бы на чёрный день	20,8	18,4	16,8	18,2
2.	Купил квартиру или дом	12,7	19,9	16,8	16,8
3.	Отдал бы в семейный бюджет	15,9	14,8	17,3	16,2
4.	Потратил бы на своё культурное развитие (кино, театр, туризм)	10,3	8,2	8,9	8,8
5.	Купил бы автомобиль	9,5	6,1	7,8	8,4
6.	Открыл бы собственное дело	6,3	8,2	7,3	7,7
7.	Потратил бы на своё и детей образование	4,0	5,1	6,7	5,1
8.	Купил акции прибыльного предприятия	6,3	2,0	3,9	3,8
9.	Купил золото и драгоценности	2,4	5,6	3,4	3,7
10.	Потратил бы на всё, что придёт в голову	6,3	2,0	3,9	3,3
11.	На благотворительность	3,2	1,5	1,7	1,7
12.	З/о	5,5	3,6	3,9	5,2

Предполагаемые расходы расположены по их убывающей привлекательности или желательности. Данные по Башкортостану приведены по итогам реализации в 2017 г. проекта «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие (авторы Ф.Г. Сафин и А.И. Халиулина), число опрошенных 573 чел.

На общем фоне межэтнического согласия по поводу семейных (первые три места) и личностных (4-е место) расходов несколько неожиданной выглядит позиция граждан Башкортостана в отношении системы образования. Среди русского населения республики готовность потратить лишние деньги на образование (своё и детей) занимает 7-е место в перечне из 11 номинантов, среди татар – 8-е, а среди башкир – 9-е (см. табл. 15).

Можно предполагать, что на несовпадение установок представителей трёх национальностей республики на образовательную систему оказывает влияние турбулентная ситуация в общественном мнении и дискуссии о преподавании вто-

рого государственного языка (башкирского по Конституции Республики Башкортостан) в системе школьного образования, а также известную растерянность опрашиваемых в связи с оплатой бесплатного образования.

Не изжитая до конца в первые три постсоветские десятилетия советская идеологема о братстве и единстве советских народов проявляется в сходстве предпочтений в иерархии ценностей, в т.ч. в запросах на те или иные материальные и духовные ценности.

Красноречивы, в частности, итоги этносоциологических опросов 2017 и 2018 гг., согласно которым, межпоколенные различия в востребованности той или иной ценности более заметны, чем несходство в умах и ответах представителей разной национальности. Даже гендерные различия порой сильнее, чем различия в установках лиц разной национальной принадлежности. Так, например, в 2017 г. для мужского населения важнее было просто инвестировать лишние деньги в семейный бюджет, в то время как для женщин более уместным представлялось отложить на чёрный день. Второе место в установках мужчин занимала заначка на чёрный день, в то время, как для женщин – приобретение квартиры или дома (см. табл. 16).

Таблица 16.

Гендерные различия структуры предполагаемых расходов в случае появления лишних денег (в % по итогам опроса 2017 г., Башкортостан, n=573)

	Потратил бы:	***Пол***	
		Мужчины	***Женщины***
1.	Отдал бы в семейный бюджет	18,0	14,7
2.	Отложил бы на чёрный день	17,2	18,9
3.	Купил квартиру или дом	15,3	17,9
4.	Открыл бы собственное дело	9,2	6,4
5.	Купил бы автомобиль	8,0	8,7
6.	Потратил бы на своё культурное развитие (кино, театр, туризм)	7,3	9,6
7.	Купил акции прибыльного предприятия	3,8	3,8
8.	Потратил бы на всё, что придёт в голову	3,8	2,9
9.	Купил золото и драгоценности	3,4	3,8
10.	Потратил бы на своё и детей образование	9,2	6,4
11.	На благотворительность	1,9	1,6

Данные по Башкортостану приведены по итогам реализации в 2017 г. проекта «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие (авторы Ф.Г. Сафин и А.И. Халиулина), число опрошенных 573 чел.

Мужское и женское население в столице, малых городах и сельской местности в целом также по-разному понимало свою готовность потратить лишние деньги. Для мужчин, как и для женщин, первые три позиции в иерархии осознаваемых потребностей занимали семейные дела. Однако организация собственного дела как приоритетного мужского занятия занимало в мужской иерархии потребностей 4-е место и разделяло его с 5-м местом, т.е. готовностью оплачивать платное образование (своё и своих детей). По всей вероятности связь дела и образования была не случайной и воспринималась как зависимость первого от второго. Женщины были готовы тратить лишние деньги на собственное дело, разделяя эту готовность с расходами на культуру и культурную деятельность, так же как и мужчины с оплатой платного образования. Подобная установка, однако, занимала у женщин 7 и 8-е место, уступая 5-е место среди 11 номинированных мест расходов на культуру и культурную деятельность и 6-е место на приобретение автомобиля (см. табл. 16).

Судя по итогам этносоциологических исследований в представлениях бывших советских граждан и их наследников, родившихся после развала Советского Союза, значимость одних и тех же ценностей варьирует не только в зависимости от внешних факторов, но и от личностного мировидения. Новейшие опросы, проведённые в регионах России и в Республике Молдова, а также на примере Башкортостана и Гагаузии зафиксировали, с одной стороны, относительное единство взглядов на качество и принципы социального самочувствия и человечности, а с другой– неодинаковую значимость конкретного признака в общей структуре ценностных ориентаций.

Как уже отмечалось на предыдущих страницах, в Башкортостане первые три позиции в перечне из 11 наименований товаров и услуг, на которые опрашиваемые готовы были истратить лишние деньги, занимали: 1) сохранение на чёрный день, 2) приобретение квартиры или дома, 3) инвестирование в семейный бюджет. По второму разряду оценивали персонифицированные расходы, в т.ч. на своё культурное развитие, на открытие своего бизнеса, а также на приобретение автомобиля.

Совсем иной выглядела структура номенклатур предполагаемых, т.е. приоритетных расходов в Гагаузии, как для семьи, так и лично для себя.

В общественном мнении акцентирование внимания на готовность нести потребительские расходы в немалой мере зависит от совокупности объективных и субъективных факторов, особенно от реального материального положения людей и уровня их духовных запросов. За проявленными предпочтениями скрываются разные факторы и условия для складывания социального самочувствия и для социально-профессиональной карьеры. Так, например, исключительно важную позитивную роль в социализации населения Гагаузии, и прежде всего лиц гагаузской национальности, составляющих в автономном образовании 83,8% играет фактор образования.

Высокая оценка образования наблюдается во всех возрастных группах Гагаузии за исключением группы молодёжи 20–29 летнего возраста, для которых приобретение квартиры, постройка дома представляется более важным, чем потратить деньги на образование. Занимая одно из последних мест в Европе по уровню социально-экономического развития и по уровню благосостояния населения, Республика Молдова не в силах обеспечить приличный уровень медицинского обслуживания своего населения. Более всего от этого, понятное дело, страдает прежде всего пожилое население. Неслучайно среди пенсионеров и лиц, которым перевалило за 50 лет, 70,8% указали приоритетные расходы на здравоохранение и приобретение медицинских препаратов, что, в частности, в два раза превысило аналогичную группу лиц среди молодёжи в возрасте 15–19 лет (см. табл. 17).

Таблица 17.

Структура предполагаемых расходов при появлении дополнительных доходов (в % по итогам опроса 2018 г., Гагаузия, n=808)

	Материальные и духовные запросы	***Итого***	***Возраст***			
			15–19	***20–29***	***30–49***	***50–81***
1.	Оплата образования	57,3	63,5	44,8	59,9	59,5
2.	Строительство дома	52,8	48,7	51,6	59,0	52,4
3.	Медицинские цели	46,0	35,6	40,6	42,9	70,8
4.	Культурная деятельность и отдых	35,9	40,2	42,2	32,5	26,8
5.	Открытие своего бизнеса	31,5	34,7	44,3	29,2	14,3
6.	Благотворительность	23,9	25,8	21,9	17,9	30,9
7.	Покупка автомобиля	18,3	14,8	25,0	18,7	14,9
8.	Покупка модной одежды	7,2	7,2	6,8	10,4	3,6
9.	Другое	3,8	3,0	3,6	5,2	3,6
10.	Покупка компьютера	3,3	3,0	2,6	4,7	3,0
11.	З/о	2,2	2,8	2,1	0,9	1,8

Здесь и далее данные по Гагаузии приводятся по итогам реализации весной 2018 г. международного исследовательского проекта «Адамлык – нравственные основы человечности». Было опрошено 808 чел. [*Губогло, 2018б, 31–44*].

Наряду с высоким рейтингом затрат на образование, современная молодёжь Гагаузии проявляет готовность потратить дополнительные деньги на культуру, путешествия и иные формы культурной деятельности. Эта статья расходов занимает в намерениях 15–19 летней молодёжи 3-е рейтинговое место, среди 20–29 летних – 5-е место, среди людей среднего и старшего возраста соответственно 4-е и 5-е место.

Межпоколенные различия между молодёжью в возрасте 20–29 лет и пожилыми людьми старше 50 лет, наиболее разительно проявляются в готовности открыть свой бизнес. Удельный вес лиц в возрасте 20–29 лет, готовых инвестиро-

вать дополнительные деньги в бизнес, в три раза больше, чем среди лиц пожилого возраста (см. табл. 17).

Устойчиво высокий рейтинг фактора образования у населения Гагаузии, добившегося создания собственной государственности, имеет серьёзное обоснование. Нет сомнений в том, что выдающуюся роль в социогенезе гагаузов во второй половине XX в., как самостоятельного и самобытного народа, вступившего в XXI век со своей государственностью, хотя и с урезанными полномочиями (автономно-территориального образования – Гагаузия), сыграл образовательный фактор и форсированное складывание корпуса специалистов высшей квалификации, политиков, лиц творческих профессий (поэтов, писателей, учёных, музыкантов), имеющих среднее специальное и высшее образование. Напомним, что на протяжении всего послевоенного периода гагаузы отставали от представителей всех национальностей Молдавии по числу лиц, имеющих высшее образование, в расчёте на каждые 1000 чел. данной национальности в 4 раза от молдаван, в 16 раз от украинцев и в 46 раз от русских. Однако за три десятилетия (1959–1989) доля гагаузов, получивших высшее образование, возросла в 32 раза, в то время как среди молдаван – в 13,5 раза, русских – в 3,5 раза. Формирование корпуса лиц гагаузской национальности с высшим образованием происходило более ускоренными темпами, чем среди всех остальных национальностей Молдавской Республики (см. табл. 18).

Таблица 18.

Рост уровня образования населения Молдавской ССР за 30 лет (1959–1989 гг.) (по данным переписей населения СССР)

	Национальность	***На 1000 чел. в возрасте 10 лет и старше приходилось лиц с высшим образованием***				
		1959 г.	***1970 г.***	***1979 г.***	***1989 г.***	***1989 к 1959 гг.***
1.	Гагаузы	1	4	15	32	32,0
2.	Молдаване	4	15	32	54	13,5
3.	Болгары	6	18	41	71	11,8
4.	Украинцы	16	36	62	92	5,8
5.	Русские	46	76	121	159	3,5
6.	Евреи	83	126	-	269	3,2

Цит. по: *Губогло, 2006:328.* Таблица составлена и расчёты произведены М.Н. Губогло.

В результате каждое десятилетие разрыв между гагаузами и представителями титульной национальности по данному показателю последовательно сокращался с 4,0 раз в 1959 г. до 3,7 раза в 1970 г., до 2,1 раза в 1979 г. и до 1,7 раза в 1989-м. Накануне развала СССР гагаузы, как и три десятилетия тому назад, занимали последнее место по удельному весу лиц, имеющих высшее образование, хотя динамика выглядела обнадёживающей. Отставание во многом определялось

их слабой урбанизированностью, преобладанием сельского населения, оттоком специалистов высшей квалификации в межвоенном периоде в Румынию, Турцию, Венгрию и другие европейские страны.

В арсенале ряда исследовательских проектов, реализованных ЦИМО ИЭА РАН в советские времена и в первые постсоветские десятилетия, неоднократно ставился программный вопрос о представлениях человека о себе и других, об условиях и факторах, определяющих личностную индивидуальность. Острая потребность докопаться до корней этнической истории, отражающей объективные и субъективные характеристики «взросления» духа народа, перенеслась со временем в познание души человека. Разработка методических основ и методического инструментария по изучению идентичности привела к мысли о более глубоком исследовании «души человека» и, в первую очередь, – нравственных основ его реального и воображаемого бытия.

На долю концепта идентичности выпала малоисследованная в этнологии и антропологии миссия «концептуального синтеза всего комплекса оснований социальной деятельности – ценностных, определяемых духовными ориентирами и нравственными установками человека, эмоциональных, заданных его психическим складом, и рационально мотивированными интересами и потребностями, соединить индивидуальный и коллективный срезы социального опыта, зафиксировать состояние и одновременно оградить динамику представлений человека о своём месте в мире и о своём «я» [*Идентичность, 2017:21*].

В обширном, стремительно разрастающемся дискурсе, основанном на прикладных, в т.ч. полевых этносоциологических исследованиях мотиваций, получены важные сведения о последствиях сохранения исконно обретённых и вновь приватизированных самоопределений форм и механизмов их проявления. Выяснены ответы и влияния на вызовы социальной реальности, достаточно хорошо изучены и сделаны весомые выводы о роли социально-экономических, идеологических, этнокультурных в формировании этнической, гражданской, гендерной, региональной, религиозной, имущественной и других идентичностей. В ряде работ преувеличенное внимание, в частности, уделено религиозному фактору, якобы выступающему, согласно заблуждениям некоторых исследователей, едва ли не «стержнем этнической идентификации гагаузского народа». В основе этого заблуждения лежит, во-первых, преувеличение роли церкви и некоторых священнослужителей в духовном воспитании народа и в окультуривании народного менталитета, во-вторых, неустанное завышение знаний народными массами основных догматов религиозного учения, в- третьих, недостаточность источниковой базы (дорогостоящей по нынешним временам) для исследования фактической религиозности населения и, наконец, в-четвёртых, слабая изученность и, как следствие, недооценённость реальной роли образования.

Между тем высокий рейтинг образования осознаётся и в том, какими качествами должна обладать молодёжь Гагаузии в настоящее время. Повышение образования признаётся чрезвычайно важным наряду с трудолюбием, активностью и ответственностью перед самим собой, перед семьёй и обществом. Этим обусловлена мотивация значительных слоёв населения воспитывать у молодёжи честность (46,6%), патриотизм (46,3%), мотивацию к труду (41,0%), порядочность (40,7%).

Видное место в иерархии нравственных ценностей населения Гагаузии по самооценке опрошенных занимает справедливость (55,6%), трудолюбие (54,4%), общение и дружба (28,9%), забота о семье (25,5%).

Самооценки наиболее чтимых нравственных и человеческих качеств корреспондирует с ответами на вопрос анкеты: «С какими людьми Вас больше всего объединяет чувство общности?». Наибольшее число голосов без каких-либо серьёзных межпоколенных различий собрал ответ: «с честными и справедливыми» (73,5%). На втором и третьем месте в пирамиде ценностей заняли трудолюбие, оптимизм и жизнерадостность, на четвёртом – образованность, Высоким уважением пользуются люди с чистой совестью, ответственные за свою семью (см. табл. 19).

Таблица 19.

С какими людьми Вас больше всего объединяет чувство общности? (в % по итогам опроса 2018 г. в Гагаузии, n= 808 чел.

		Возраст				Итого
		15–19	*20–29*	*30–49*	*50–81*	
1.	Честными, справедливыми	76,7	72,4	73,6	70,2	73,5
2.	Образованными	34,3	39,0	29,2	34,5	34,1
3.	Обеспеченными, богатыми	1,3	5,2	2,3	4,2	3,1
4.	Бедными	1,3	3,6	2,8	4,2	2,8
5.	Трудолюбивыми	28,0	41,7	42,9	44,6	38,6
6.	Жизнерадостными	60,2	51,6	47,2	41,1	50,7
7.	Уважаемыми	15,7	16,1	20,7	22,0	18,4
8.	Расчётливыми	3,4	4,7	5,7	1,8	4,0
9.	Законопослушными	6,8	9,4	9,4	6,5	8,0
10.	Хорошо владеющими русским языком	6,3	4,7	4,7	3,6	4,9
11.	Хорошо владеющими гагаузским языком	9,3	4,2	7,1	5,3	6,7
12.	Хорошо владеющими молдавским языком	0,8	0,0	0,5	0,6	0,5
13.	Ответственными за семью	13,1	16,1	21,7	25,6	18,7
14.	Живущими с чистой совестью	21,6	18,2	23,6	25,0	22,0
15.	Другое	0,8	0,5	0,0	1,8	0,7
16.	З/о	1,3	1,6	0,9	0,6	1,1

Данные приведены по итогам этносоциологического опроса в Гагаузии по международному проекту «Адамлык – Нравственные основы человечности». 2018 г. По квотной выборке опрошено 808 респондентов [*Губогло, 2018б, 31–44*].

Определение морально-нравственного состояния общества, динамики характера взаимоотношений между людьми во многом зависит от социального самочувствия людей. Несмотря на застойный в целом вектор развития реформирования в Республике Молдова, есть основание говорить об изменениях в самосознании и в общественном сознании, в т.ч. на основании представлений граждан о самих себе.

Весной 2018 г. более половины опрошенных жителей Гагаузии, как уже отмечалось, отметили в качестве важнейшего критерия социального самочувствия – приверженность справедливости и трудолюбию. Со значительным отрывом от основных ценностей на втором плане по значимости оказались дружба (респонденты характеризовали себя как надёжных друзей), хороший семьянин и человек с чистой совестью. Такой самооценкой обладали более чем четверть опрошенных. Как и следовало ожидать, высокая оценка дружеских отношений была свойственна эмоционально настроенной молодёжи чаще, чем глубоким старикам и лицам пожилого возраста. Совершенно очевидно, что для лиц старшего поколения важнее дружеских отношений была хорошая семья и чистая совесть (см. табл. 20),

Таблица 20.

Представление о самом себе: Кто я и какой я есть?
(в % по итогам опроса 2018 г., Гагаузия, n=808)

	Кто я и какой я есть?	*Всего*	*Возраст*	
			15-19	*50 и старше*
1.	Справедливый	55,6	54,2	54,2
2.	Трудолюбивый	54,4	41,9	69,0
3.	Надёжный друг	28,9	41,5	12,5
4.	Хороший семьянин	25,5	11,9	36,3
5.	С чистой совестью	23,5	19,1	28,0
6.	Патриот своего народа	14,9	17,4	11,9
7.	Здоровый	12,2	16,9	5,9
8.	Умеющий повеселиться и отдохнуть	11,7	18,6	4,2
9.	Энергичный, предприимчивый	11,4	19,1	3,6
10.	Профессионал	11,2	4,7	16,7
11.	Свободный, независимый	10,9	11,4	7,7
12.	Духовно богатый	9,0	10,6	10,7
13.	Глубоко религиозный	7,5	5,9	14,0
14.	Такой как все	6,8	9,3	6,5
15.	Материально обеспеченный	3,7	1,3	7,1
16.	Пользующийся авторитетом	3,7	3,0	5,9
17.	Другое	1,5	2,1	0,6
18.	З/о	0,9	0,8	1,2

Данные по Гагаузии приводятся по итогам реализации весной 2018 г. международного исследовательского проекта «Адамлык – нравственные основы человечности». Было опрошено 808 чел. [*Губогло, 2018б, 31–44*].

Напротив, для молодёжи приоритетными чаще, чем для стариков, звучали в ответах энергичность и предприимчивость – в 5,3 раза, умение хорошо повеселиться и весело отдохнуть (на современном молодёжном сленге это звучало «потусоваться») в 4,4 раза, ощущать себя свободным и независимым в 1,6 раза, (см. табл. 20).

Граждане Гагаузии в возрасте 50 лет и старше отмечали в себе среди присущих им качеств, наряду с отмеченными выше, таковыми качествами (трудолюбие, хороший семьянин, материальное обеспечение – в 5,5 раз, профессиональный уровень – в 3,6 раза, религиозность – в 2,5 раза, авторитет среди земляков – почти в два раза).

Среди разных возрастных групп не обнаружено особых расхождений по самооценке своего духовного богатства, конформизма (такой как все) и осознания себя патриотом своего народа. Единообразие распространённости этих качеств вызвано равномерностью интенсивности этнического самосознания, единодушно проявлённого в ходе голосования 2 февраля 2014 г. за восточный вектор внешней политики и за сохранение социокультурной самобытности на основе русско-гагаузского двуязычия и поликультурности, включая русскоязычную культуру в зоне притяжения Русского мира.

В списке из 16 номинантов справедливость и трудолюбие заняли первые два места. Подтверждением наивысшей значимости справедливости служит тот факт, что его оценили почти в равной мере во всех возрастных категориях.

Одновременно проявилась серьёзная межпоколенная разница в самоидентификации себя как трудоголика. В отличие от лиц старшего и преклонного возраста, среди которых более чем каждые двое из троих охарактеризовали себя в соответствии с традиционной культурой трудолюбивыми, среди подростков эта категория лиц составила только двоих из пятерых (41,9%) (см. табл. 20).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Бондырева, 2018 – Бондырева С.К.* Проблема семьи в современном мире и современный мир как проблема семьи // Идентичность. Сб. докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвящённой 80-летию со дня рождения Михаила Николаевича Губогло / Отв. ред. И.А. Константинова, П.М. Пашалы. Комрат, 2018. 344–351.
2. *Бартольд, 1966 – Бартольд В.В*. Культура мусульманства // Соч. Т 6. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 141–146.
3. *Бартольд, 1968 – Бартольд В.В*. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. 5. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 17–192.
4. *Горький, 1953 – Горький М.* Собрание соч.: в 30 т. Т. 24. Статьи, речи, приветствия, 1907–1928. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. 475 с.
5. *Губогло, 2003 – Губогло М.Н*. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.; Наука, 2003. 764 с.
6. *Губогло, 2006 – Губогло М.Н*. Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М.; Наука, 2006.
7. *Губогло, 2007 – Губогло М.Н*. Русский язык – национальное достояние народов России // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 48–58.
8. *Губогло, 2018 – Губогло М.Н*. Цивилизационное притяжение Русского мира // Вестник российской нации, 2018, № 6, 31–44.
9. *Идентичность, 2017* – Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. 992 с.
10. *Малькова, 2018 – Малькова В.К.* Стыд и СМИ или ещё одно общественное пространство для противостояния добра и зла // Идентичность. 2018. С. 298–322.
11. *НГ, 2019* – Независимая газета. 2019. 26 марта. НГ-сценарии.
12. *Регионы России, 2002* – Регионы России. Социально-экономические показатели. Т. 2. М., 2002.
13. *Регионы России, 2018* – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. М., 2018. 1162 с.
14. *Сафин, Алексеенко, 2018 – Сафин Ф.Г., Алексеенко С.С.* Социальное самочувствие и стратегия поведения этнических групп в условиях рыночной экономики в многонациональной республике (на примере Башкортостана) // Идентичность. Комрат, 2018. С. 323–338.
15. *Северин,2019 – Северин, Августин.* Ищу музей по интересам // Культура. 2019. № 17. 17–23 мая.
16. *Фромм, 1990 – Фромм Э.* Бегство от свободы / Пер. с англ. Г.Ф. Швейника, общ. ред. и послесловие П.С. Гуревича. М.: «Прогресс», 1990. 272 с.
17. *Этнополитическая ситуация, 2013* – Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах / Сеть этнологического мониторинга. Ежегодный доклад. 2012. М., 2013. 676 с.
18. *Шабаев, 2013 – Шабаев Ю.П.* Язык взаимопонимания и понимание языков // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах / Сеть этнологического мониторинга. Ежегодный доклад. 2012. М., 2013. С. 296–300.
19. *Kroeber, Kluckhohn, 1952 – Kroeber A,L., Kluckhohn C.* Culture: A critical review of concepts and definitions. Harward University Printing Office, 1952. 223 p.
20. *URL 1* – URL 1 /https://iz,ru/861281/2019-03-27/socilogi-rasskazali-o-roste-poseshchaemosti-teatrov

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / Сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2018. 452 с.
2. *Бондырева С.К.* Проблема семьи в современном мире и современный мир как проблема семьи // Идентичность. Сб. докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвящённой 80-летию со дня рождения Михаила Николаевича Губогло / Отв. ред. И.А. Константинова, П.М. Пашалы. Комрат, 2018. 344–351.
3. *Бартольд В.В*. Культура мусульманства // Соч. Т 6. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 141–146.
4. *Бартольд В.В*. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. 5. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 17–192.
5. *Горький М.* Собрание соч.: в 30 т. Т. 24. Статьи, речи, приветствия, 1907–1928. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. 475 с.
6. *Губогло М.Н*. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.; Наука, 2003. 764 с.
7. *Губогло М.Н*. Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М.; Наука, 2006.
8. *Губогло М.Н*. Русский язык – национальное достояние народов России // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 48–58.
9. *Губогло М.* Этничность. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Беллетристика, Критика, Публицистика / Отв. ред. П.М. Пашалы / ЦИМО ИЭА РАН. Комрат: Tipografia Centrala, 2018. 420 с.
10. *Губогло М.Н.* Цивилизационное притяжение Русского мира // Вестник российской нации, 2018, № 6, 31–44.
11. *Губогло М.Н., С.К.Смирнова*. Феномен Удмуртии. Т 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. Москва; Ижевск: «Удмуртия», 2006. 720 с.
12. *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
13. Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. 992 с.
14. *Комарова Г.А.* Золотой век отечественной этносоциологии // Идентичность / Сб. докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвящённой 80-летию со дня рождения Михаила Николаевича Губогло. Комрат, 2018. С. 45–68.

15. *Малькова В.К.* Стыд и СМИ или ещё одно общественное пространство для противостояния добра и зла // Идентичность. 2018. С. 298–322.

16. *Маркарян Э.С.* Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во Армянской АН, 1969. 228 с.

17. Регионы России. Социально-экономические показатели. Т. 2. М., 2002.

18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. М., 2018. 1162 с.

19. *Сафин Ф.Г., Алексеенко С.С.* Социальное самочувствие и стратегия поведения этнических групп в условиях рыночной экономики в многонациональной республике (на примере Башкортостана) // Идентичность. Комрат, 2018. С. 323–338.

20. *Северин, Августин.* Ищу музей по интересам // Культура. 2019. № 17. 17–23 мая.

21. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Пер. с англ. Г.Ф. Швейника, общ. ред. и послесловие П.С. Гуревича. М.: «Прогресс», 1990. 272 с.

22. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах / Сеть этнологического мониторинга. Ежегодный доклад. 2012. М., 2013. 676 с.

23. *Шабаев Ю.П.* Язык взаимопонимания и понимание языков // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах / Сеть этнологического мониторинга. Ежегодный доклад. 2012. М., 2013. С. 296–300.

24. *Kroeber A,L., Kluckhohn C.* Culture: A critical review of concepts and definitions. Harward University Printing Office, 1952. 223 p.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

№1 *Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе.
№2 *Брук С.И.* Немцы в СССР: современная ситуация.
№3 *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
№4 *Соколова З.П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
№5 *Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
№6 *Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
№7 *Васильев В.И.* Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
№8 *Иванова Ю.В.* Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
№9 *Бушков В.И.* О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
№10 *Брусина О.И.* О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

№11 *Сагнаева С.К.* Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
№12 *Тишков В.А.* Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
№13 *Иванова Ю.И.* Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
№14 *Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
№15 *Брук С.И.* Народы СССР в стране и за рубежом.
№16 *Гурвич И.С., Батьянова Е.П.* Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.
№17 *Осипов А.Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).
№18 *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май–июнь 1990 г.).
№19 *Остроух И.Г., Шервуд Е.А.* Меннониты Оренбургской области.
№20 *Брусина О.И., Осипов А.Г.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
№21 *Григорьева Р.А.* Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
№22 *Емельянов В.М.* Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
№23 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
№24 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
№25 *Молчанов М.А.* Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

№1 *Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
№2 *Крюков М.В.* Политика национальной автономии в Китае.
№3 *Стельмах В.Г.* Самоуправление индейских резерваций в США.
№4 *Кожановский А.Н.* Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

№26 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
№27 *Шинкевич С., Заринов И.Ю.* Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.
№28 *Сагнаева С.К.* Российское казачество.
№29 *Островидова Е.Ю.* Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.
№30 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.
№31 *Сатвалдыев А.Н.* К характеристике религиозной ситуации в Шахимардане (Узбекистан).
№32 *Губогло М.Н.* Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
№33 *Губогло М.Н.* Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
№34 *Гузенкова Т.С.* Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

№5 *Празаускас А.А.* Индия: национальная политика и федерализм.
№6 *Соколова И.В.* Политика официального индеанизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

№35 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
№36 *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
№37 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
№38 *Бутанаев В.Я.* Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
№39 *Батьянова Е.П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
№40 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Таджикистан: Что происходит в республике?
№41 *Малькова В.К.* Пресса о современной этнической ситуации в Татарстане.
№42 *Буяхаев С.С.* Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.

№43 *Шнирельман В.А.* Бикинские удэгейцы: политика и экология.

№44 Ногайцы сегодня. [*Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Поиски решения проблем в Ногайской степи. *Викторин В.М.* Астраханские ногайцы.

№45 *Бабич И.Л.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.

№46 *Кыдыева В.Я.* К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.

№47 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.

№48 *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.

№49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.

№50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.

№51 *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане.

№52 *Тишков В.А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии).

№53 *Лопуленко Н.А.* Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.

№54 *Васильев В.И., Малиновская С.М.* Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

№55 *Тер-Саркисянц А.Е.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).

№56 *Жуковская Н.Л.* Республика Бурятия: Этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).

№57 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).

№58 *Таболина Т.В.* Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.

№59 *Филиппов В.Р.* Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).

№60 *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.

№61 *Иванов А.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).

№62 *Столярова Г.Р.* Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.

№63 *Шаров В.Д.* Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.

№64 *Бирин В.Н.* Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.

№65 *Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д.* Этнополитическая ситуация в Калмыкии.

№66 *Восходов И.И., Комарова Г.А.* Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).

№67 *Шабаев Ю.П., Рогачев М.Б., Котов О.В.* Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.

№68 *Аккиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике.

№69 *Абаева Л.Л., Крянев Б.П.* Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).

№70 *Хаджибиеков Р., Полякова Т.* Этнополитическая ситуация в Адыгее.

№71 *Зыков Ф.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.

№72 *Кисриев Э.Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.

№73 *Куликов К.И., Христолюбова Л.С.* Этнополитическая ситуация в Удмуртской республике в 1993г.

№74 *Кужугет А., Татаринцева М.* Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.

№75 *Зубков А.А., Маресьев В.В.* Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.

№76 *Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б.* Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.

№77 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.

№78 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.

№79 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.

№80 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Всходы реинтеграции.

1995 г.

№81 *Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н.* Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.

№82 *Иванова Ю.В.* Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.

№83 *Ильин В.И.* Республика Коми: этнос и политика.

№84 *Мартынова М.Ю.* Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).

№85 *Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я.* Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.

№86 *Рубан Л.С.* Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.

№87 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А.* Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.

№88 *Смольникова Н.В.* Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.

№89 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Карачай в контексте новой исторической реальности.

№90 *Кульчик Ю.Г.* Республика Узбекистан в середине 90-х годов.

№91 *Мартынова М.Ю.* Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

№92 *Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А.* Сибирские татары: Этнокультурные и политические проблемы возрождения.

№93 *Михайлов С.С.* Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.

№94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / *Брусина О.И.* Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; *Митина Д.А.* Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане/.

№95 *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках.

№96 *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.

№97 *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.

№98 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.

№99 *Каган, Микаэлла.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.

№100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

№101 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
№102 *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
№103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.
№104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
№105 *Аринин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.
№106 *Шабаев Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.
№107 *Ямсков А.Н.* Русское население в полиэтничных районах Закавказья, Сибири и Урала.
№108 *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.
№109 *Таболина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.
№110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

№111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).
№112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.
№113 *Червонная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.
№114 *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.
№115 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.
№116 *Сирина А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.
№117 *Смольникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: Этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.
№118 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).
№119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.
№120 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

№121 *Рыжакова С.И.* Dievturiba. Латышское неоязычество и истоки национализма.
№122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
№123 *Шнирельман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.
№124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
№125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
№126 *Сирина А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
№127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.
№128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.
№129 *Червонная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.
№130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

№131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.
№132 Перепись – 2002: проблемы и суждения.
№133 *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность.
№134 *Ярлыкапов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.
№135 *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.
№136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.
№137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
№138 Города Подмосковья: Этнодемографические и гендерные проблемы.

2001 г.

№139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.
№140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).
№141 *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
№142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Взгляд друг на друга.
№143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
№144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»…? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
№145 *Степанов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

№146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
№147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
№148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.
№149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского сообщества России.
№150 *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация.
№151 *Смирнова С.К.* Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.
№152 *Сирина А.А.* Народы Севера Иркутской области.
№153 *Юраков А.В.* Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
№154 *Смирнова С.К.* Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.

№155 *Осипов А.Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
№156 *Смирнова С.К.* Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
№157 *Смирнова С.К.* Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
№158 *Бабич И.Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
№159 *Димаева Ф.В.* Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

№160 *Ситнянский Г.Ю.* Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
№161 *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения.
№162 *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
№163 *Заурбекова Г.В.* Ваххабизм в Чечне.
№164 *Аксянова Г.А., Давыдова С.С.* Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
№165 *Анайбан З.В.* Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
№166 *Устинова М.Я.* Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

№167 *Харитонова В.И.* Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.
№168 *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
№169 *Фаис О.Д.* Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
№170 *Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
№171 *Наумова О.Б.* Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
№172 *Найденова Е.А.* Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.
№173 *Ториев Б.Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
№174 *Губогло М.Н., Дубова Н.А.* Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
№175 *Субботина И.А.* Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

2005 г.

№176 *Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Хопман Д., Шенфилд С.* После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
№177 *Грачёв С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
№178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
№179 *Питерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
№180 *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
№181 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
№182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
№183 Финно-угорские народы России: Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

№184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.
№185 *Мартынова М.Ю.* Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
№186 *Сирина А.А., Фондал Г.А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
№187 *Новикова Н.И.* Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
№188 *Александренков Э.Г.* Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
№189 *Новикова Н.И., Якель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.
№190 *Остапенко Л.В.* Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.
№191 *Анайбан З.В.* Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.
№192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

№193 *Череватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
№194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX– начало XXI в.).
№195 *Устинова М.Я.* Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: новые вызовы.
№196 *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
№197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государство.
№198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
№199 *Банаева М.Г.* Бурятская община Москвы.

2008 г.

№200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
№201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.
№202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
№203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
№204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
№205 *Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
№206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования.

№207 *Харитонова В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).

№208 *Бабич И.Л.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

2009 г.

№209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.

№210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Франции.

№211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени

№212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.

№213 *Бабич И.Л.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.

№214 *Эпштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.

№215 *Бабич И.Л., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

№216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.

№217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.

№218 Европейская языковая Хартия и Россия.

№219 *Заурбекова Г.В.* Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).

№220 *Опарин Д.А., Уманская А.И.* Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).

№221 *Шлыгина Н.В.* Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.

№222 *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).

№223 *Миссонова Л.И.* Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

2011 г.

№224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.

№225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.

№226 *Матвеев В.А.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи.

№227 *Анайбан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

2012 г.

№228 *Лопуленко Н.А.* «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990–2011 гг.): аналитический обзор.

№229 *Комарова Г.А.* Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований.

№ 230/231 Социокультурные последствия Чернобыльской аварии.

№ 232 *Устинова М.Я.* Основные проблемы применения в Латвии Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств.

№ 233 *Малькова В.К.* Полиэтничная Москва 2011–2012 гг.: «тревожные звонки в информационном пространстве.

2013 г.

№ 234 *Мартынова М.Ю.* Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества.

2014 г.

№ 235 *Малькова В.К.* Новое этнопространство современной Москвы.

№ 236 *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации.

№ 237 *Белова Н.А.* Молодежь русской провинции (на примере города Нерехты Костромской области).

№ 238 *Гаер Е.А., Батьянова Е.П., Шпинев В.Н.* Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постперестроечной действительности (по материалам этнографической экспедиции в Хабаровский край в августе – сентябре 2012 года).

№ 239 *Губогло М.Н., Старченко Р.А.* Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизаци (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.).

№ 240 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI вв.)

2015 г.

№ 241 *Губогло М.Н.* Симбиоз этнической и региональной идентичности.

№ 242 *Тишков В.А.* Ярость благородная… Великая победа и советский народ (антропологический подход).

№ 243 *Малькова В.К.* «Крым наш!» в российском информационном пространстве.

№ 244 *Снежкова И.А.* Армянская церковь в Москве.

№ 245 *Эпштейн А.Д.* Европейское еврейство в начале XX начале XXI вв.: исчезающие этнокультурные общности?

№ 246 *Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А.* Русская молодежь вне России: Киргизия.

№ 247 *Григулевич Н.И.* Опыт исторического и этноэкологического анализа Верхневолжского региона.

2016 г.

№ 248 Перемены в самосознании и жизненном укладе европейцев на рубеже XX–XXI веков (Австрия, Исландия, Испания, Сербия) / Кол. авт.: Р.Н. Игнатьев, А.Н. Кожановский, И.А. Кучерова, Е.В. Холлер.

№ 249 *Агеева Е.А., Данилко Е.С.* Казаки-уральцы – этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане.

№ 250 *Соколовский С.В.* Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации.

№ 251 *Губогло М.Н.* Гагаузия и Приднестровье – юго-западные форпосты Русского мира (по итогам этносоциологических исследований).

№ 252 *Бабич И.Л.* Особенности межрелигиозной жизни в современной Москве.

№ 253 *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации (три года спустя).

№ 254 *Губогло М.Н.* Бинарные оппозиции в культуре гагаузов: миротворческие и конфликтогенные ресурсы (лексико-семантическое исследование).

2017 г.

№ 255 *Малькова В.К* Трехлетняя годовщина присоединения Крыма и ее медийная актуализация в России: за и против.

№ 256 *Любарт М.К.* Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: Этнокультурный аспект. I – Франция.

№ 257 *Кожановский А.Н.* Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: Этнокультурный аспект. II – Испания: Стремительное превращение из страны эмиграции в страну иммиграции.

№ 258 *Керимова М.М.* Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: Этнокультурный аспект. III – Хорватия:

№ 259 *Толмачева А.Ю.* Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: Этнокультурный аспект. IV – Германия.

№ 260 *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Молодёжь в городах Калининградской области.

№ 261 *Губогло М.Н.* Этничность как истина и как правда (Опыт лексико-семантического исследования).

№ 262 *Бабич И.Л.* Особенности межрелигиозной жизни в современной Адыгее

2018 г.

№ 263 *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты.

№ 264 *Малькова В.К.* «Горячие события» в центральных российских медиа и интерес к ним в регионах России.

№ 265 *Царёва Т.В, Чабиева Т.С.* Некоторые аспекты антитеррористической политики России в республиках Северо-Восточного Кавказа.

№ 266 *Керимова М.М.* Миграционный кризис 2015-2016 гг.: политический и этнокультурный аспекты.

№ 267 *Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В Сабинина Д.С. Субботина И.А., Ямсков А.Н.* Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белёве и Старице.

2019 г.

№ 268 *Малькова В.К.* Мигранты, диаспоры и интернет.

№ 269 *Зорин В.Ю., Орешин С.А.* Государственная национальная политика России: от традиций к инновациям.

№ 270 *Губогло М.Н.* Декодирование элементов традиционной культуры как способ исследования нравственных основ мировидения гагаузов.

№ 271 *Губогло М.Н., Старченко Р.А. Нравственные основы человечности в социальном самочувствии постсоветских граждан.*

Для авторов:

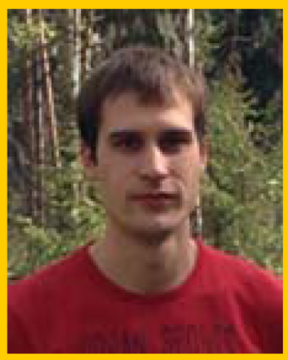
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук издаёт в виде отдельных выпусков материалы, главной тематикой которых являются современные межэтнические и межнациональные отношения в России, в регионах бывшего СССР и в других странах мира. На основе полевых материалов и документальных источников анализируются особенности этнического состава, демографические характеристики, миграционные процессы, культурная инфраструктура населения, положение этнических меньшинств, деятельность этнических общественных и политических организаций, социальный и национальный состав политических движений, их влияние на массовое сознание. В выпусках содержится информация о межэтнических конфликтах, отражении их в средствах массовой информации, даются рекомендации по прогнозированию и ликвидации межнациональной напряжённости.

Текст в Word (.doc или .docs). Объём – до 2-х п.л. Сноски автоматические. Иллюстрации и графики – чёрно-белые. Цветные иллюстрации и графики могут быть даны только в Приложении.
Если работа будет принята к печати, от автора потребуются: аннотация на рус. и англ. языках, текст «об авторе» на рус. и англ. языках (два-три предложения – научная степень, должность, место работы, область научных интересов, до трёх основных работ), фотография.

Подписано к печати 8.07.2019 Тир. 100 экз. 2,6 п.л. Заказ № 162

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.



Губогло Михаил Николаевич – Заведующий ЦИМО ИЭА РАН. Сфера научных интересов: этносоциология, этнополитология, тюркология, социолингвистика. Автор более 550 публикаций в области этносоциологии, этнополитологии, тюркологии, социолингвистики, в т.ч. книг: «Энергия памяти» (1983), «Современные этноязыковые процессы в СССР» (1984), «Мобилизованный лингвицизм» (1993), «Развивающийся электорат России» (1996), «Языки этнической мобилизации» (1998), «Может ли двуглавый орёл летать с одним крылом. Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений» (2000), «Идентификация идентичности» (2003), «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (2004), «Именем языка» (2006), «Феномен Удмуртии» т. 9 «Траектории деинфантилизации» (2006, в соавторстве), «Антропология повседневности» (2013), «Страсти по доверию» (2014), «Энергия доверия» (2014).
Публикации в серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»: №№ 32. 33 (1992), 77, 78, 79, 80 (1994), 150 (2002), 174 (2004, в соавторстве), 239 (2014, в соавторстве), 241 (2015), 251 (2016).

Guboglo Mikchael Nikolaevich – Head of the Centre for the Study of Interethnic Relations IEA RAS. Scientific interests: ethnosociology, ethnopolitology, turkology, sociolinguistics. Author of more than 550 publications in the field of ethnosociology, ethnopolitical science, Turkic studies, sociolinguistics, including books: "Energy of memory" (1983), "Modern ethnolinguistic processes in the USSR" (1984), "Mobilized lingvitsizm" (1993), "Developing electorate of Russia" (1996), "Languages of ethnic mobilization" (1998),"Can the two-headed eagle fly with one wing. Reflections on the law-making in the field of ethnic-state relations" (2000), "Identification of identity" (2003),"Russian language in the ethnopolitical history of the Gagauz" (2004), "In the name of language" (2006), "Udmurtia phenomenon, V. 9: 'Trajectories of deinfantilization'" (2006, co-authored), "Anthropology of everyday life" (2013), "Fervors on trust" (2014), "Energy of trust" (2014).
Publications in a series "Studies in applied and urgent ethnology": №№ 32, 33 (1992), 77, 78, 79, 80 (1994), 150 (2002), 174 (2004, co-authored), 239 (2014, co-authored) , 241 (2015), 251 (2016).

Старченко Роман Александрович – кандидат исторических наук, врио директора ИЭА РАН. Сфера научных интересов: этнополитическая ситуация и языковая политика в регионах России, Средней Азии, Закавказья, билингвизм, гражданская, региональная и этническая идентичность. Автор более 40 публикаций.

Starchenko Roman A. – Ph.D, Research interests: ethnopolitical situation and language policy in the regions of Russia, Central Asia, Transcaucasia, bilingualism, civil, regional and ethnic identity. Author of more than 40 publications.

ISBN 978-5-4211-0242-7
9 785421 102427